

19 мая (1 июня)

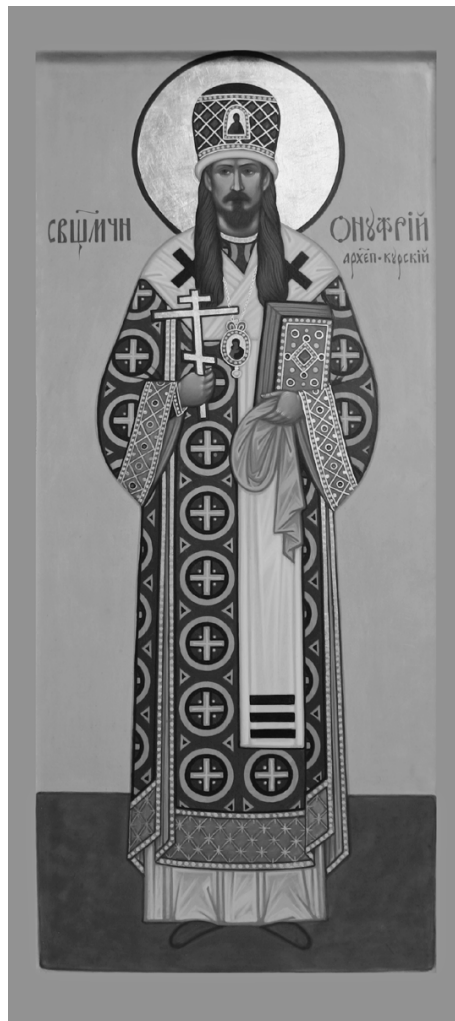
Священномученики

Онуфрий (Гагалюк), архиепископ Курский,
Антоний (Панкеев), епископ Белгородский,
Виктор Каракулин, Ипполит Красновский,
Митрофан Вильгельмский, Александр Ерошов,
Михаил Дейнека, Матфий Вознесенский,
Николай Садовский, Василий Иванов,
Николай Кулаков, Максим Богданов,
Александр Саульский, Павел Попов,
Павел Брянцев, Георгий Богоявленский
и мученик Михаил Вознесенский

Священномученик Онуфрий родился 2 апреля 1889 года в селе Посад-Ополе Ново-Александровского уезда Люблинской губернии и в крещении наречен был Антонием. Его отец, Максим Гагалюк, по происхождению был малороссом, из крестьян Подольской губернии. Много лет он прослужил ефрейтором крепостной артиллерии в гарнизонах, расположенных в различных городах Польши. По окончании службы он устроился лесником в казенное лесничество Люблинской губернии и теперь, обустроивая свою жизнь, женился на девушке из бедной семьи поляков-католиков Екатерине. У них родилось шестеро детей: три мальчика и три девочки. Дом лесника стоял в семи верстах от ближайшей деревни и в тридцати семи верстах от ближайшего города Ново-Александрии. Местоположение дома обусловило и образ жизни семьи: общаться дети могли только друг с другом.

Когда Антонию было пять лет, с его отцом случилось несчастье. Совершая зимой обход леса, он застал четырех мужиков, без разрешения рубивших казенный лес. Застигнутые на месте преступления, они стали просить Максима не записывать их имен для последующего наложения штрафа, но он отклонил их просьбу, и тогда мужики набросились на лесника и стали его избивать. Обладая большой физической силой, Максим сколько мог отбивался от них и в конце концов обратил их в бегство, правда, сам был ранен в руку и в голову – как-никак порубщики имели при себе топоры. С большим трудом Максим добрался до дома, где жена, омыв раны, уложила его в постель. В ту же ночь мужики-порубщики подожгли их дом. Максим лежал в это время в комнате, освещенной ярко горевшей лампой, отчего пожар был замечен не сразу, а уже тогда, когда огонь стал пробиваться в комнату. Екатерина бросилась спасать детей, но так как наружная дверь уже была объята пламенем, она, выбив оконную раму, стала бросать их на снег, предварительно закутывая в одеяла. Отец с матерью, выбравшись из горящего дома через окно, сами остались живы, но никаких

вещей спасти не удалось. Вскоре из соседней деревни прибыли на подводах крестьяне: Максима отвезли в город в больницу, а Екатерину с детьми приютили в деревне.

Священномученик Онуфрий

Здесь произошло событие, которое весьма поразило Екатерину. «После того как меня с детьми привезли с пожарища в деревню и устроили в хате, я, глядя на моих малых детей, – рассказывала она впоследствии, – оплакивала их и мою горькую судьбу. Дети окружили меня и стали утешать. И вот, сын мой Антон, пяти лет, взобравшись ко мне на колени и обняв за шею, сказал мне: “Мама! Ты не плачь, когда я буду епископом – то возьму тебя к себе!” Я была так поражена этими словами, ибо не поняла их значения, и даже испугалась, что переспросила Антошу: “Что ты сказал? Кто такой епископ? Где ты слышал такое слово?” Но он мне только повторил уверенно и серьезно: “Мама, я буду епископом, я сам это знаю”».

Отец Антония, Максим, скончался в больнице, и осиротевший мальчик был принят по просьбе матери в приют в городе Люблине. В приюте мальчик хорошо учился и, окончив церковноприходскую школу, был отправлен на средства приюта в город Холм в духовное училище, которое окончил с отличием, и был принят в Холмскую Духовную семинарию.

Он учился в семинарии в то время, когда Холмский край стал краем смут и раздоров – революционных, прокатившихся тогда по стране, национальных, так

как в этом крае жили русские, поляки и евреи, и религиозных, и поэтому православные оказались вынуждены защищать свою веру.

Здесь, на границе столкновения православия, иноверия и инославия, будущий епископ увидел воочию, какая жестокая, поистине беспощадная ведется борьба против истинной веры, причем «церквами», которые называют себя христианскими. Здесь юный Антоний на практике столкнулся с католицизмом, с его стремлением подчинить все и вся своему влиянию и власти. Это был не победивший католицизм, успокоившийся и правящий, благоденствующий в своих границах, а католицизм воинствующий. Тут, на поле духовной брани, на границе соприкосновения католицизма и православия, было видно отчетливо, с какой ожесточенностью, хитростью и лукавством католицизм воюет против Православной Церкви. Практическое столкновение с католической идеологией дало Антонию наглядное представление о происхождении и методах действия сект и помогло впоследствии увидеть опасность в расколах XX века.

Учась в семинарии, Антоний сначала мечтал стать врачом, затем учителем. Но в последнем классе семинарии, перед самым ее окончанием, с ним случилось событие, указавшее ему путь служения Богу и Его Святой Церкви. За месяц до выпускных экзаменов Антоний заболел воспалением легких и был помещен в семинарскую больницу. Состояние здоровья его было тяжелым, так что боялись за его жизнь, и в семинарской церкви постоянно служились молебны о его исцелении. Впоследствии Антоний рассказывал своей матери: «Я находился в забытьи; или наяву, или во сне (хорошо не помню) передо мной появился чудесный старец, обросший большой бородой до ступней ног и седыми длинными волосами, закрывавшими голое тело его до пят. Старик этот ласково на меня посмотрел и сказал: “Обещай послужить Церкви Христовой и Господу Богу и будешь здоров”. Слова эти посеяли во мне страх, и я воскликнул: “Обещаю!” Старец удалился. Я заснул и с того времени начал поправляться. Когда потом я стал осматривать иконы с изображениями великих православных святых, в изображении святого Онуфрия Великого заметил я черты явившегося мне старца».

Еще не вполне оправившись от болезни, Антоний приступил к сдаче экзаменов и выдержал их, окончив семинарию по второму разряду. Это обстоятельство сильно его опечалило, так как при поступлении в Духовную академию теперь необходимо было держать конкурсный экзамен, к которому, следовательно, нужно было готовиться, что при его слабости от перенесенной болезни представлялось ему затруднительным, и появились мысли поступать не в академию, а в университет. Антоний пошел посоветоваться об этом с тогдашним ректором семинарии епископом Дионисием (Валединским), но тот благословил его поступать в Санкт-Петербургскую Духовную академию. В том же году, успешно выдержав экзамены, Антоний поступил в академию.

По окончании II курса Антоний был послан ректором академии в Яблочинский Онуфриевский монастырь читать лекции по богословию на курсах, организованных для группы учителей, прибывших из Галиции. Прочитав курс лекций, уже перед самым отъездом Антоний снова заболел воспалением легких. Положение его вызванными в монастырь врачами было признано почти безнадежным. Об исцелении его снова стали служить молебны.

Он лежал в келье в забытьи, слышал пение святых молитв, и вдруг перед его глазами предстал тот же старец, который посетил его в семинарской больнице в Холме три года назад и взял с него слово, что он посвятит свою жизнь служению

Богу. Это был преподобный Онуфрий Великий, небесный покровитель Яблочинского Онуфриевского монастыря. Сурово посмотрел на него святой Онуфрий и с укоризной сказал: «Ты не выполнил своего обещания, сделай это теперь, Господь благословит».

«Когда я открыл потом глаза, — рассказывал Антоний, — то увидел, что в келье служат молебен о моем выздоровлении перед чудотворным образом святого Онуфрия, который был поставлен возле моей кровати. Я прослезился от умиления и заявил присутствовавшему тут архимандриту Серафиму*, что по приезде в академию приму иноческий постриг».

5 октября 1913 года в конце всенощного бдения в академическом храме Санкт-Петербургской Духовной академии ректор академии епископ Анастасий (Александров) совершил пострижение Антония в монашество с наречением ему имени в честь преподобного Онуфрия Великого. Необыкновенный постриг, не бывавший ранее в академическом храме, совершавшийся по древнему чину, привлек множество людей. В числе молящихся были архиепископ Финляндский Сергей (Страгородский), обер-прокурор Святейшего Синода В.К. Саблер, генералы и офицеры.

После отпуска через царские врата в мантии вышел на амвон епископ Анастасий и, заключая чин пострига особым последованием вручения новопостриженного инока старцу, архимандриту Феофану, сказал: «Се передаю ти, отче Феофане, брата сего Онуфрия от святого Евангелия, еже есть от Христовы руки, чиста и непорочна. Ты же приими его Бога ради себе в сына духовного и направи его на путь спасения, и научи, яже сам твориши к пользе душевной: прежде всего страху Божию, еже любити Бога всем сердцем и всею душою, и всею крепостию и повиновение имети беспрекословное к настоятелю... и любовь нелицемерну ко всей братии, и смирение, и молчание, и терпение во всем. И какова его принимаеши от святого Евангелия, да потщися такова же представить Христови в страшный день праведнаго Суда».

«Превыше нашей меры дело сие, владыка святой, — отвечал архимандрит Феофан, — но повелено ны есть от Спасителя нашего Иисуса Христа наипаче всего послушание имети к настоятелю, и, елика сила в Бозе, не отрицаюся. Должен есмь наипаче всего попечение имети о нем, яко же Бог настави нас, убогих, за ваших ради отеческих честных молитв».

Затем епископ Анастасий обратился с речью к новопостриженному иноку. Рассказав о пути, каким тот шел к постригу, об обетах, которые давал юноша еще на школьной скамье, о болезнях, которые пришлось ему перенести, о чудодейственном вмешательстве и исцелении по молитвам преподобного Онуфрия Великого, преосвященный ректор сказал: «Преподобный Онуфрий Великий стал для тебя теперь особенно дорогим. Ты решительно мыслил себя глубоко счастливым — быть иноком, имея своим небесным покровителем преподобного Онуфрия. Се икона его пред тобою. По милости Божией ты теперь инок Онуфрий. Прими, брате, святой образ преподобного во благословение от меня, грешного. Да укрепит тебя Господь в твоём новом послушании, а угодник Божий преподобный Онуфрий Великий да будет твоим заступником и предстателем пред Господом и водителем в предстоящих тебе трудах! Иди, брате Онуфрие, подобно апостолу Петру, “утверди братию твою” (Лк. 22, 32) Холмской

* Впоследствии архиепископ Смоленский Серафим (в миру Михаил Митрофанович Остроумов), священномученик; память 25 ноября/8 декабря.

Руси в православной вере, дабы красотою святой веры привлечь к правой вере и окрест живущих, родных, но иноверных братьев!»

11 октября 1913 года епископ Анастасий рукоположил инок Онуфрия во иеродиакона, а вскоре и во иеромонаха.

Иеромонах Онуфрий, учась в академии, участвовал вместе с другими студентами-священниками в миссионерских посещениях ночлежных домов, расположенных неподалеку от академии на Обводном канале. В течение нескольких вечеров студенты-иеромонахи назидали ночлежников духовной беседой и пели с ними пасхальные и другие церковные песнопения. Через несколько дней в Александро-Невской Лавре специально для обитателей ночлежек были отслужены утренняя и литургия. Утреню служили студенты-иеромонахи; во время утрени происходила исповедь, в которой принимал участие и иеромонах Онуфрий. За литургией было предложено всем ночлежникам подать записки о здравии и упокоении и раздавались просфоры.

По благословению ректора академии епископа Анастасия иеромонах Онуфрий стал служить в храме села Михайловки неподалеку от станции Парголово Финляндской железной дороги.

Подходило к концу время внешнего мира и покоя России, на пороге стояло время испытаний – и прежде всего веры, кто к чему успел подготовиться. Ввергая Русскую Православную Церковь в огненную печь испытаний, Господь властной рукой отводил внимание человека от внешнего – к внутреннему, окружая внешней теснотой жизни, предлагал обратить внутренний взор к бескрайности Царства Небесного. От окостенения душевного и омертвения, проявлявшегося прежде всего в безразличии к Церкви, Господь отрезвлял тяжелыми страданиями, чтобы хотя бы некоторые исцелились.

Давно не виделись братья – Андрей и иеромонах Онуфрий, отделенные друг от друга тысячью верст: отец Онуфрий – в Санкт-Петербурге, брат Андрей – на родине, в Люблине. Летом 1914 года Андрей приехал в Санкт-Петербург навестить брата. В это время было получено известие о начале войны между Германией и Россией, и к вечеру Андрей уже получил телеграмму, что он должен возвратиться к месту своей службы в Люблин, где в это время начались военные действия. Прощаясь с братом, иеромонах Онуфрий узнал, что тот не носит креста. Его это поразило, ведь крест – видимый знак проявления нашей веры, ее исповедания. Грозно предупреждение Спасителя о тех, кто постыдится Его в роде сем, прелюбодейном и грешном. Отец Онуфрий снял с себя крест и надел на брата.

Помолившись об избавлении брата от смерти, он напомнил ему, что, находясь в действующей армии, он ежеминутно подвергается опасности быть убитым или раненым, а посему нужно всегда молиться Богу. «Крест, которым я благословил тебя, – сказал отец Онуфрий, – носи всегда на себе и верь, что он спасет тебя от смерти». Окончилась для России Первая мировая война, – Андрей остался жив.

Во время гражданской войны на Украине в 1919 году он работал на заводе в окрестностях города Черкассы. Однажды на завод прискакал разъезд кубанских казаков. Поймав приказчика завода – еврея, казаки стали жестоко его избивать. В это время вбежал Андрей Гагалюк и, бросившись на казаков, потребовал прекратить избиение, при этом он назвал еврея своим товарищем. Услышав слово «товарищ», начальник разъезда – офицер принялся избивать Андрея нагайкой и кулаками, а затем, застрелив еврея-приказчика, выстрелил в Андрея,

но промахнулся. Истратив все свои патроны, он приказал казакам расстрелять его.

При избиении рубашка на груди Андрея разодралась, и стал виден крест, которым благословил его брат-иеромонах в день объявления войны. Казаки, сняв с плеч винтовки и направив их на Андрея, увидели у него на груди крест, на который в этот момент упал солнечный луч, от чего крест засиял. Казаки сделали залп из четырех ружей, не причинивший Андрею ни малейшего вреда, и опустили ружья. Офицер прикрикнул на них и приказал стрелять еще раз. Казаки отказались, заявив, что не будут стрелять в православного, носящего на груди крест. Офицер уступил. Так крест, данный братом, спас Андрея от смерти.

В 1915 году иеромонах Онуфрий окончил Петроградскую Духовную академию со степенью кандидата богословия и 15 июля того же года был определен на должность преподавателя русской церковной истории и обличения раскола, проповедничества и истории миссии в пастырско-миссионерскую семинарию при Григорие-Бизюковом монастыре Херсонской епархии, ставшем центром просвещения всего западно-русского края.

«Херсонские епархиальные ведомости» так писали об основании здесь семинарии: «Мысль об открытии при Бизюковом монастыре церковно-богословского училища, получившего ныне официальное название “Пастырско-миссионерской семинарии”, принадлежит бывшему настоятелю Бизюкова монастыря архиепископу Херсонскому Димитрию (Ковальницкому).

Несомненно, впервые зародилась эта мысль в душе почившего архипастыря и созрела на великих примерах славного прошлого христианской Церкви, когда монастыри христианские были не только местами молитв, подвига и покаяния, но служили и центрами христианского образования и культуры.

Но энергичное и широкое осуществление этой мысли именно теперь вызвано было, с одной стороны, современным тяжелым и крайне опасным положением Православной Русской Церкви, нуждающейся более чем когда-либо в искренних, стойких, просвещенных и самоотверженных тружениках и защитниках Церкви, а с другой – неопределенным, теплохладным, а иногда и прямо враждебным отношением к интересам Церкви, каковое недавно переживали наши духовно-церковные заведения (академии и семинарии).

Кто привык вдумываться в окружающие явления жизни, тот не мог не видеть, что “разруха” жизненных устоев еще так недавно шла учащенным темпом по всем линиям, притом наиболее ощутительно она сказалась в церковно-религиозном строе. Самым злостным нападкам, глумлениям и унижениям подвергались священнослужители Церкви, с беззастенчивой наглостью высмеивались открыто ее уставы и учреждения, с дикой озлобленностью подвергались извращению ее догматы и истины нравственные. А между тем те, кто и происхождением, и воспитанием, и средствами своего образования, казалось бы, прежде всего и более всего должны были стать в ряды пламенных защитников и борцов обуреваемой вражескими силами Церкви, – те оборачиваются спиной к вскормившей их и воспитавшей их Церкви и малодушно бегут на чуждые пажити, ища там, вне церковной ограды, сытого и безмятежного прозябания...

Предлежит насущная и самая неотложная нужда в обновлении и освежении нашего духовного сословия; необходимо влить в него свежую струю, новые крепкие целебные жизненные соки. И такой живой приток свежих творческих сил может дать наш простой народ...

Вот почему и почивший инициатор монастырской школы архиепископ Димитрий и организатор ее в более широком масштабе... архиепископ Назарий одинаково остановились на мысли комплектовать школу при Бизюковом монастыре по преимуществу из молодой целины простого русского народа.

В соответствие этому выработаны были правила для отсева из этой молодежи чистых зерен от плевел, вошедшие в... устав о Бизюковской семинарии.

По этим правилам... в Бизюковскую семинарию принимаются “без экзамена лица православного исповедания, заявившие себя доброй нравственностью и церковным направлением, успешно окончившие курс церковно-учительских школ, дополнительных двухгодичных курсов при второклассных школах и учительских семинариях”, – иначе говоря, в семинарию широко открыты двери для лучшей крестьянской молодежи, так как она одна наполняет этого рода школы.

Для созидания духа и направления вновь открытой школы это обстоятельство чрезвычайно важно. Все здесь ново, цело и чисто. Никакой рутины, никакой дурной традиции. Почва – девственная. Чистые, осмотрительно отсеянные зерна народного организма, любовно посаженные на эту почву, несомненно, возрастут в зрелые плоды для блага Церкви Христовой.

Этому благоприятствуют и внешние обстоятельства. Отдаленность Бизюкова монастыря от больших городов и местечек, могущих привнести развращающее влияние, непрестанная трудовая жизнь под сенью монастырских святынь, прекрасное светлое трехэтажное здание семинарии... наконец, чудный степной воздух, снизу освежаемый “седым” Днепром, шумно и плавно, тут же у монастырских стен катящим свои волны, – все это уже само по себе способствует правильному здоровому развитию и процветанию основанной здесь семинарии.

Если, затем, принять во внимание самое главное, а именно, что в программе предметов, преподаваемых в Бизюковской семинарии, не только включен богословский курс духовных семинарий, но в некоторых частях этот курс даже значительно расширен, особенно насчет элементов миссионерского и апологетического, то можно с полной уверенностью сказать, что в недавно открытой пастырско-миссионерской семинарии Херсонская епархия приобрела рассадник духовного просвещения, долженствующий в недалеком будущем давать не только епархии, но и всей России воспитанных, искренних и стойких защитников Православной Церкви и самоотверженных ее служителей».

Каждый год, начиная с 1911 года, в дни Святой Троицы в монастыре устраивалась «миссионерская неделя», когда в обитель съезжались все миссионеры Херсонской епархии. В это время монастырь наполнялся богомольцами, так что ими была заполнена вся монастырская ограда. В 1916 году в эти дни выдалась прекрасная погода, что увеличило «еще более празднично-молитвенное настроение пришедших помолиться в святую обитель. А торжественное богослужение многочисленного духовенства, стройное, воодушевленное пение монастырского, хотя и небольшого хора и особенно общенародное исполнение некоторых песнопений за богослужением, а на второй и на третий день праздника и всей литургии, проповеди и поучения наместника монастыря... и прибывших миссионеров – все это вместе взятое дало такие чудные духовные переживания, которые надолго успокоили и уладили горе и печаль пришедших во святую обитель».

Иеромонах Онуфрий говорил поучение в самый день Троицы; он говорил о важности Таинства Святого Причащения, через которое «православный христианин входит в теснейшее единение с Господом. Близость же Господа всегда человеку необходима. Далекий от Господа – несчастный человек. Он духовно глух и слеп, он не знает и не чувствует благодатной, блаженной жизни. Наоборот, близость ко Господу является источником всякого блаженства. Теснейшее единение с Господом и дает нам Святое Таинство Причащения. В этом Таинстве мы становимся едино с Господом, Господь входит в сердца наши и вечеряет с нами, Господь водворяется в нас, мы становимся Его телом. И достойно причастившиеся поистине чувствуют это блаженство. На их лицах сияет радость, душа полна мира и тихого счастья, все недуги, душевные и телесные, ослабевают, страсти умолкают, духовное прозрение становится яснее, сердце любвеобильнее, воля сильнее в делании добра. И все это от ощущения присутствия в себе Господа...». Он закончил «свое поучение призывом со страхом, верою и любовью приступать ко святой Чаше, и приступать возможно чаще».

О своих впечатлениях о монастыре, особенно от монастырских служб, отец Онуфрий писал в одной из статей, посвященной уставному всеобщему бдению на память преподобного Саввы Освященного: «Когда слышалось умиленное пение стихир “Савво богомудре” – величественные гимны хвалительных псалмов... невольно думалось о всех тех, кто не вкушал этого “пира веры”. От юношей, воспитанников пастырско-миссионерской семинарии, мысль переходила к тем юношам (и духовным и светским), которые не видели еще уставного всеобщего бдения. Думалось: какие глубокие чувства вызвало бы это бдение в живой юношеской душе!.. Присутствовавшие богомольцы напоминали о тех, кто не суть от двора сего (Ин. 10, 16), о тех, кто по безразличию проходит мимо храма православного, – о тех, кто сознательно по гордости отрекается от Церкви. Думалось: как часто в религиозных исканиях эти безразличные и упорные стараются утолить свой духовный голод “рожками” (Лк. 15, 16) и не подозревают, что в ограде Христовой Церкви для них же уготован телец питомый... Боже! дай всем людям возможность восклицать в религиозном восторге вместе с псалмопевцем: “Господи, возлюбих благолепие дому Твоего и место селения славы Твоя!” (Пс. 25, 8)».

Мать иеромонаха Онуфрия жила до 1915 года в Польше у старшего сына Владимира. Когда началась война и приблизились немецкие войска, Владимир отправил мать вместе с сестрой и ее детьми на подводе в Брест, откуда они должны были с другими беженцами выехать в глубь России. Приехав в Брест, где скопилось масса беженцев, Екатерина Осиповна, которой шел тогда шестьдесят второй год, потеряла в толпе дочь и внуков. Полагая, что они уже уехали, она села в поезд, наивно надеясь, что дочь сможет ее разыскать. Поезд все дальше уходил от границы. На станциях учрежденные властями люди кормили всех беженцев – была сыта и Екатерина Осиповна. Но вот наконец поезд прибыл в Херсон, и последовал приказ всем беженцам высадиться с тем, чтобы уже каждый устраивался как сможет.

Екатерина Осиповна оказалась на улице в незнакомом городе, без денег, без запаса одежды. Пробродив целый день по городу, она пришла к набережной реки – голодная, продрогшая, беспомощная. Сердцем овладело отчаяние и, глядя на реку, она решила утопиться. Помолившись Богу, она собиралась было уже привести намерение в исполнение, но в этот момент кто-то кашлянул неподалеку. Она оглянулась и увидела, что на берегу стоит кто-то в черном,

похожий на монаха. «Это монах, – мелькнула у нее мысль, – и сын у меня монах. Может быть, он знает его и знает, где он». Она стала звать его. Монах спустился к реке и спросил, что ей нужно. Екатерина Осиповна сказала, что ищет сына, который учился в академии в Петербурге. «Такого я не знаю», – ответил монах и хотел уйти. «Ну, теперь я утоплюсь, – сказала старушка. – У меня шестеро детей, но я не знаю теперь, где они, и я должна погибнуть».

Монах сжалился над несчастной женщиной и повел ее в архиерейский дом в надежде, что епископ может знать сына старушки, как ученого монаха. На звонок вышел келейник, и монах настоял, чтобы он доложил епископу, что старушка-беженка ищет своего сына. Келейник впустил ее в дом и пошел доложить о просительнице епископу Прокопию (Титову)*. Вскоре открылась боковая дверь и вышел епископ. Старушка упала перед ним на колени.

«Он подошел ко мне, – вспоминала она, – благословил меня и спросил: “Что вы хотите, матушка?” Я ответила: “Ищу сына”. – “А кто он такой?” – “Иеромонах Онуфрий из Петербурга”. И слышу, он радостно спрашивает: “Галюк?” Я, как услышала фамилию сына, то от радости потеряла сознание. Епископ привел меня в чувство, усадил в кресло и сказал: “Он у меня”. Я опять потеряла сознание. Когда я пришла в себя, он сказал: “Вы успокойтесь, он не здесь у меня, а в девяноста верстах отсюда, в Григорие-Бизюковом монастыре. Вы отдохните немного, выпейте чаю, закусите. Заложат экипаж, который и отвезет вас к сыну”. Он вышел, и тогда я поняла, что это епископ. Я первый раз в жизни видела епископа и подумала: “Неужели и сын мой будет таким и исполнится пророчество моего маленького Антоши, который когда-то сказал мне, что будет епископом?” Через некоторое время епископ усадил меня в карету, туда же сел келейник, и лошади помчали меня к сыну. На следующий день в монастырь приехал епископ Прокопий, совершил службу и по окончании сказал проповедь о том, “как мать чудесным образом нашла своего сына”. Все бывшие в церкви плакали, и мне казалось, что более счастливого человека, чем я, нет никого на свете!»

В письмах этого периода к брату Андрею иеромонах Онуфрий писал: «Хотя я стал и дурным монахом (не в грубом смысле, а в духовном: плохо молюсь, сердце нечисто, гневаюсь, ленюсь и прочее тому подобное), но как-то хочется быть лучшим... Дела мои иноческие идут средним путем. Господь миловал, особых потрясений не чувствую. Настроение спокойное. Иногда горюю, но часто бывают и радостные минуты. Живу в мире со своими товарищами – преподавателями-монахами... Я состою преподавателем и воспитателем одного класса. Уроки идут хорошо. Ученики в общем хорошо относятся ко мне, а я – к ним».

В 1917 году произошла безбожная революция, и вскоре началась гражданская война. На Григорие-Бизюков монастырь напала банда махновцев. Монастырь был разграблен, многие монахи убиты. Такая же участь ожидала и оставшихся в живых, если бы не защита крестьян. Узнав о нападении на монастырь махновцев, на выручку монахам поспешили крестьяне соседних деревень. Отбив у махновцев монахов, крестьяне увезли их в свои деревни. Иеромонаха Онуфрия отвезли в город Берислав, где, по просьбе православных, епископ Прокопий назначил его настоятелем Успенской церкви.

Весной 1921 года иеромонах Онуфрий писал брату: «Много было работы на первой неделе Великого поста, притом в церкви было холодно: я обессилел и замерз. В результате лихорадка. Боялся, что сыпной тиф. Господь помиловал

* Священномученик Прокопий (в миру Петр Семенович Титов); память 10/23 ноября.

меня по чьим-то святым молитвам. У меня есть помощник, тоже иеромонах. Он уже переболел сыпным тифом, окреп и служит, а я пока сижу в доме: отдыхаю. Не правда ли, как Господь хранит нас, окаянных... Уже второй год тружусь, работа эта мне по духу. Лучшей деятельности, как православного священника и архиерея, не знаю. Дал бы только Господь сил... отдаться всецело на служение Богу и людям... Каждый день непременно есть посетители, так что я ни на один день не могу отлучиться куда-либо, хотя бы в свою родную обитель, которая в восемнадцати верстах от Берислава. Благодарю Бога, что дал мне возможность служить Ему и людям. Живу, не зная, конечно, что ждет меня впереди. Твердо положился на волю Божию. Только чувствую, что ослабевают мои физические силы...

Как же поживаешь ты, милый брат мой? Сильный духом, добрый, отзывчивый, труженик и, конечно, верующий в Бога, но, как большинство интеллигенции, – мирского духа! Заглядывай, голубчик, чаще в церковь. Обязательно поговей, если есть жена при тебе, то с ней, в Страстную седмицу. Об этом убедительно просит тебя твой брат, священник, убежденный христианин. Жизнь моя пастырская более радостна... чем уныла. С тех пор как я принял иночество и священство, с моих глаз спала как бы какая-то пелена и я стал в общем радостен, спокоен, всех люблю, кто бы они ни были. Это, конечно, не мои заслуги, а милость Господа, Который призрел на меня, низкородного, застенчивого до болезненности, омыл меня духовно и обвеселил. Дай, Господи, чтобы до конца дней моих сохранил меня в радости и покое...»

В 1922 году иеромонах Онуфрий был назначен настоятелем Никольской церкви в городе Кривой Рог Екатеринославской губернии* и возведен в сан архимандрита.

За разрухой гражданской последовала вскоре разруха церковная. Летом 1922 года образовалось движение обновленцев, руководители которого предлагали радикально реформировать Церковь. В августе 1922 года состоявшийся в Киеве Собор православных архиереев избрал архимандрита Онуфрия кандидатом во епископа Херсоно-Одесской епархии.

Глава обновленческого раскола митрополит Евдоким (Мещерский) предпринял все возможные меры, чтобы не допустить хиротонии во епископа архимандрита Онуфрия. В декабре 1922 года Андрей Гагалюк, разыскивая своего брата архимандрита, обратился к «митрополиту» Евдокиму с просьбой сообщить что-нибудь об архимандрите Онуфрии. Евдоким был хорошо осведомлен о происходящем в православных приходах и незамедлительно ответил, что архимандрит Онуфрий находится в Кривом Роге и ведет активную проповедь против обновленческого движения в Церкви. При этом Евдоким добавил: «Если вы его брат, я вам советую послать ему сейчас же, немедленно, телеграмму с вызовом его в Москву ко мне. Если он смирится перед нами и примкнет к нашему движению, мы возведем его в сан епископа и дадим ему любую епархию. Вы должны предупредить его, что, если он не покорится нам, его ждет тюрьма и ссылка. Поспешите. Время не терпит».

Телеграмма была послана, и последовал ответ: «Ничего общего с Евдокимом иметь не желаю».

Спустя два года, когда брат посетил владыку Онуфрия в Харькове и речь зашла о посещении Андреем «митрополита» Евдокима, владыка, слегка пожурив

* Ныне Днепропетровская область, Украина.

брата, сказал: «Евдоким меня звал потому, что знал – скоро должна состояться моя хиротония. Как ни старались обновленцы помешать этому, я усыпил их бдительность и успел тайно выехать в Киев, где и был возведен в сан православного епископа. Они страшно обозлились и решили во что бы то ни стало погубить меня. Содержание меня в тюрьмах и ссылка – это дело их рук».

4 февраля 1923 года экзарх Украины митрополит Михаил (Ермаков) и епископ Уманский Димитрий (Вербицкий) хиротонисали прибывшего в Киев архимандрита Онуфрия во епископа Елисаветградского, викария Одесской епархии.

Митрополит Михаил уведомил новохиротонисанного архиерея, что канонически он подчиняется ему и епископу Николаевскому Прокопию (Титову), назначенному управляющим Херсоно-Одесской епархией. После хиротонии епископ Онуфрий сразу же уехал в Елисаветград, а на следующий день митрополит Михаил был арестован и сослан.

6 февраля 1923 года епископ Онуфрий прибыл в Елисаветград и при громадном стечении молящихся совершил в Успенском соборе свою первую архиерейскую службу. Через несколько дней после этого к владыке пришел уполномоченный обновленческого ВЦУ Трофим Михайлов и спросил его, какой он придерживается церковной ориентации. Епископ Онуфрий ответил решительно и прямо: «Я не признаю и никогда не признаю ВЦУ и его “архиереев” и “иереев” и подчиняюсь лишь непосредственным каноническим начальникам: митрополиту Михаилу и епископу Прокопию».

Онуфрий, епископ Елисаветградский

На следующий день после визита уполномоченного обновленцев епископ Онуфрий был арестован и заключен в тюрьму – сначала Елисаветграда, а потом Одессы. Его обвинили в том, что он, приехав, не зарегистрировался у властей как епископ и возглавил незарегистрированное местное церковное управление,

относящееся к патриаршей Церкви, а также в том, что он не поддержал обновленцев, которые были зарегистрированы как единственные признанные гражданскими властями представители Церкви. Кроме того, власти попытались обвинить епископа Онуфрия в шпионаже на том основании, что епископ пришедшего его арестовать сотрудника ОГПУ с интересом расспрашивал об организации, в которой тот служит.

Вспоминая впоследствии свои скитания по тюрьмам, владыка писал: «Немного прожито, но много пережито. Всего лишь два года я епископ, но... из этих двух лет я провел шесть месяцев в узах... в темницах... Елисаветграда, Одессы, Кривого Рога, Екатеринослава и, наконец, Харькова. Меня водили под конвоем пешком по улицам много раз, ездил я и в этапном вагоне поезда за решетками. Сидел я среди воров и убийц... Я вспоминал свои грехи вольные и невольные и радовался, что Господь дал мне пить чашу страданий за мои согрешения...

Епископ Елисаветградский Онуфрий

В Великий пост соузники пожелали исповедаться и причаститься Христовых Таин. Тюремное начальство разрешило, и поехали к епископу, проживавшему в городе Одессе, за священником. Но оказалось, что и епископ и священник были неправославные... Заключенные не захотели исповедоваться у обновленцев-раскольников. А среди заключенных был православный священник – отец Петр. Его мы и упросили, и он исповедовал арестантов, а затем служил литургию и причащал.

Свыше пятисот арестантов нас было, которые молились, исповедовались и причащались Христовых Таин. Составился небольшой хор из заключенных. А Символ Веры и молитву Господню пели все молящиеся... Многие из арестантов не говели по несколько лет, а теперь поговели. И замечательное дело – во всем обширном городе Одессе была ли тогда православная церковь, а у нас в тюрьме совершалось православное богослужение.

В другой тюрьме (Кривой Рог) со мной сидел молодой еще человек с богословским образованием, много мы с ним беседовали. Когда его освободили, он писал мне, что пребывание его со мной в узах было одним из лучших моментов в его жизни. И я тоже с любовью вспоминаю тяжести темничной жизни. Конечно, это потому, что Господь, утешающий сердца Своих рабов, был со мною, многогрешным.

Между прочим, когда я сидел в узах, один довольно образованный человек говорил мне:

– Вот вы здесь сидите, при трудностях темничной жизни вы покойны; вам присылают помощь добрые люди, при этом сознание говорит вам, что вы сделали всё, что нужно. А мне кажется, – продолжал он, – что вы поступили неправильно. На кого вы оставили или бросили даже свою паству, не лучше ли было бы вам как-нибудь пойти на компромисс, признать ВЦУ, а то ведь вашу паству будут расхищать волки хищные!

Я подумал и ответил ему:

– Видите ли, если бы я отрекся от Святейшего Патриарха и своей церковной законной власти, а признал бы раскольничье самочинное и безблагодатное ВЦУ, я перестал бы быть епископом православным. И свою паству, которая доверилась мне, я обманывал бы тогда, перестав быть святителем. А теперь, с Божьей помощью, я сохранил чистоту православия, оставшись православным епископом».

15 мая 1923 года епископ Онуфрий был освобожден из тюрьмы в Одессе, но с него была взята подписка, что он выедет за пределы Одесской области. В докладе Патриарху Тихону епископ Онуфрий писал об этом периоде своего церковного служения: «Я избрал местом жительства город Кривой Рог, где был настоятелем главной церкви – Николаевской – в сане архимандрита до назначения меня епископом Елисаветградским. Положение города Кривого Рога – особое. Он – в гражданском отношении принадлежит к Екатеринославской губернии, но в церковном – к Херсоно-Одесской епархии, именно Николаевскому викариатству. В городе Кривом Роге я, после заключения одесского, несколько времени отдыхал, но вскоре же начал борьбу с ВЦУ. В начале июня я послал воззвание к православному духовенству и мирянам своей Елисаветградской епархии, коей я считал себя по праву епископом; в воззвании я призывал их ни в коем случае не признавать так называемое ВЦУ и его “архиереев” и “иереев”, ибо все они со своим ВЦУ ушли из Церкви и являются неправославным обществом. Убогое мое послание получено было и вне моей епископии и, по слухам, имело значение. Но несравненно бодрее почувствовали себя православные всей епархии после освобождения Вашего Святейшества. Во многих местах Елисаветградского викариатства (в коем и все время были православные пастыри и приходы) начались обращения к Церкви. Херсонское Николаевское викариатство почти все осталось православное. Напротив, Одесса и окружающие ее уезды – были сплошь неправославными. Но в последнее время в Одессе начинается энергичная духовная борьба с ВЦУ. Во главе стоит известный пастырь-

молитвенник протоиерей Иона Атаманский; по сведениям (письмо мне от отца Ионы), уже 22 священника в Одессе сбросили иго ВЦУ и приняли иго Христово. Будут хлопотать о том, чтобы Святейший Патриарх назначил им для духовного окормления православного епископа. Я послал духовенству города Одессы, согласно просьбе некоторых верующих, свое обращение, где призываю последовать примеру отца Ионы и 22 его соучастников – и всему духовенству города Одессы.

Преосвященный епископ Прокопий пока еще не на свободе. Позволяю себе думать, что если бы владыку Прокопия освободили и он по праву стал бы управляющим всей Херсоно-Одесской епархии, то православное дело весьма выиграло бы. Если бы даже мне, убогому, разрешили жить в городе Елисаветграде, то дело Церкви тоже несколько было бы лучше. Очевидно, это учитывают и представители ВЦУ. Но надежда на освобождение владыки Прокопия и мое возвращение в Елисаветград все же есть, и о сем усердно хлопочут православные. В настоящее время, живя в городе Кривом Роге, я тружусь над объединением всего Криворожского округа в одно православное викариатство...»

Служение епископа Онуфрия в Кривом Роге стало торжеством православия. Его богослужения собирали молящихся всех возрастов – от глубоких стариков до подростков. Храм всегда был полон молящимися. Многие приезжали из соседних деревень и простаивали долгие монастырские службы. Молодежь во время служения епископа в городе забывала все развлечения, и многих эта приверженность к церкви оградила впоследствии от развращающей проповеди безбожия.

16 октября 1923 года епископ был арестован. Поводом для ареста послужило послание епископа Онуфрия к пастве, в котором он предостерегал верующих от обращения к живоцерковникам. Это послание было расценено как антисоветское, и епископ был отправлен сначала в криворожскую, а затем в елисаветградскую тюрьму.

Когда весть об отправке епископа из криворожской тюрьмы в елисаветградскую дошла до верующих, народ бросился на станцию. Однако на перрон никого не пустили. Люди обступили железнодорожную насыпь и встали вдоль путей, по которым должен был пройти поезд. Состав медленно отошел от перрона, владыка стоял у окна с решеткой и благословлял свою паству. Громкий плач провожавших слился в единый вопль, который звучал до тех пор, пока поезд не скрылся с глаз.

Из Елисаветграда епископ был перевезен в харьковскую тюрьму, где он пробыл три месяца. 16 января 1924 года власти освободили епископа из тюрьмы, взяв с него подписку о невыезде из города Харькова.

Выйдя из заключения, епископ Онуфрий сразу же обратился с посланием к херсоно-одесской пастве; он произнес во время своих частых богослужений множество проповедей, разослал письма, объясняющие суть современного церковного положения в связи с обновленческим и другими расколами. В Харькове жили в то время на положении ссыльных семь архиереев, и хотя ни по возрасту, ни по хиротонии епископ Онуфрий не был старшим, однако он был признан за такового всеми епископами.

Время было тяжелое; кроме открытых гонений было еще и множество соблазнов. Одному из своих друзей епископ писал: «Разве только в храме мы должны говорить о Боге, о Божественном учении? Не только в храме, а и на

всяком месте, где придется, где есть души неверующих, не знающих Бога или сомневающих. Даже если не может верующий доказать своей истинности и опровергнуть речи неверующих, пусть он скажет ясно и определенно христианское учение. И это уже будет победа... Всякое необличенное слово лжи приносит свой плод, а разоблаченное, оно теряет свою силу... Ты, дорогой друг, с тревогой спрашиваешь меня: что будет с нашей Церковью Православной лет через тридцать, когда те верующие, коих теперь немало, умрут, а их сменит нынешнее поколение злых и злобных врагов Церкви Божией? Ведь тогда они пойдут открытым походом на Церковь Божию. А что же мы им противопоставим? – Нужно сказать тебе, дорогой друг, что наряду с врагами Церкви Божией растут, несомненно, и друзья ее; пусть будет их немного, но они сильны своей истиной. Под градом насмешек и притеснений они закаляют свою веру в Бога и преданность Церкви Божией, они встанут на защиту веры и Церкви Православной...

Может пролиться кровь верующих. Пусть она будет семенем, как в первые века христианства, – семенем, из которого вырастет еще крепкая дружина христианская. Для Церкви Христовой не новость гонения и кровь. Все это было. И все это вело не к уничтожению Церкви Православной, а к ее прославлению и распространению. Притом не забывай, дорогой друг, что святые примеры всегда зовут к подражанию. Когда неверующие гонители увидят непоколебимую стойкость православных христиан, запечатленную кровью, тогда некоторые из них, способные к восприятию истины Божией, несомненно, станут в ряды исповедников Христовых, как то было с древними язычниками, которые, видя веру христиан, сами становились из мучителей последователями Христовыми. И много, много может стать новых друзей Христовых из разных стран и народов, которые заменят изменников веры, по слову Самого Спасителя: “Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном, а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов” (Мф. 8, 11-12).

Не унывай же, дорогой друг, а будь прежде всего сам верен, даже до смерти, Церкви Божией Православной и усердно молись Господу, да изведет делателей на жатву Свою, потому что жатвы много, а делателей мало (Мф. 9, 37)».

Деятельная защита епископом православия, обличение обновленчества и других расколов, в частности западных ересей, породили среди харьковской интеллигенции смущение и недоумение. Столь энергичная защита казалась ей противоречащей принципам либерализма и свободомыслия, которые многим были дороже и самой истины. Интеллигенция всегда желала быть судьей и оракулом мысли, хотела стоять над противоречиями и спорами, что происходило от отсутствия у нее самой определенных взглядов и убеждений и пренебрежения к жизненному опыту. Представители интеллигенции писали владыке, что не могут понять, отчего он так энергично защищает только тихоновскую Церковь, тогда как они между обновленцами, тихоновцами и другими не видят никакой разницы.

Епископ Онуфрий, отвечая на их недоумения, писал: «...никакой тихоновской или обновленческой Церкви нет. Патриарх Тихон никакой Церкви не основывал и от Церкви Божией не отделялся. Тихоновская Церковь это и есть истинная Церковь Божия, это Русская Поместная Православная Церковь Христова, находящаяся в непрерывном молитвенно-каноническом единстве со всею Вселенскою Православною Церковью. Русская Поместная Церковь Православная

свое теперешнее название “тихоновская” получила от врагов Церкви Божией, обновленческих раскольников, которые бросили эту “кличку” на Святую Церковь для того, чтобы представить ее простодушным как какую-то секту: это, мол, тихоновщина. Я вовсе не настаивал на том, чтобы меня, епископа Православной Церкви Божией, называли тихоновцем, но в то же время, я и не отрекаюсь от сего названия, принимаю его как условное.

Если ко мне подойдет верующий и спросит: “Вы тихоновский епископ?” – я не буду возражать, ибо понимаю, что для этого верующего “тихоновец” и “православный” – понятия синонимические, что совершенно верно. Тихоновец – это условное наименование православного христианина: это не кличка, как хотят сего обновленцы и их друзья, а внешний признак православия в наши смутные дни церковные... Вот почему я и говорю вам: если вы не тихоновцы, то и не православные, вы вне Церкви Божией, ибо в пределах СССР Православная Поместная Русская Церковь именно та, которую условно именуют “тихоновской”, и только она.

Мы свидетельствуем, что не порываем с Церковью Божией и не признаем никакой ереси. Не на себя уповаем, но, будучи грешными, надеемся на молитвы о нас всей Церкви Божией и несем скорби и труды земные, веря, что Милосердный Господь, когда явится во второй раз в неизреченной славе Своей, то воздаст неувядаемый венец славы нам и всем, возлюбившим явление Его. Этого венца славы в жизни загробной от всей души и со всей искренностью молю от Господа и всем вам, дорогие друзья мои, почтившие меня, убогого, своим письмом. Но епископский долг побуждает опять говорить вам, что если не будете принадлежать к той Церкви, каковая именуется тихоновской и которая единственно есть истинная Церковь Божия как Поместная Русская Православная Церковь, то вы окажетесь вне Божественного чертога».

Гонения от властей, злобные нападки лукавых обновленцев, малодушие собратий – злое обстояние было отовсюду. Враги и в самих храмах утесняли православных. Епископ вспоминал об этом периоде своего служения в Харькове: «В небольшом храме служило нас семь епископов и около двадцати пяти клириков; храм был один. Самое главное не в том было, что храм маленький, а православные стеклись со всего большого города и нередко падали в обморок от духоты, а в том было горе всех православных, что возмутительно нагло вел себя самозванный, не избранный верующими и епископом града церковный староста этого храма. Сначала он был унизительно льстив, прежде чем стал старостою, а потом стал вести себя вызывающе: грубил епископам, не подходил демонстративно под благословение к ним... А что делал он с бедным духовенством – священниками и диаконами! – он едва давал им руку, грубил и покрикивал на них, хотя священники иные были пожилые старцы и с высшим образованием, а он – полуграмотный. Мы всё терпели, даже унижения, лишь бы не остаться без храма. Конечно, совестью своею не кривили и не шли ни на какие компромиссы, хотя бы и ради храма, помня твердо, что если мы изменим чистоте православия, то и самый храм перестанет быть православным».

9 декабря 1925 года был арестован патриарший Местоблюститель митрополит Петр (Полянский)*. В декабре того же года властям удалось организовать в дополнение к обновленческому новый церковный раскол, получивший название григорианского.

* Священномученик Петр (в миру Петр Федорович Полянский), митрополит Крутицкий; память 27 сентября/10 октября.

Весной 1926 года митрополит Агафангел (Преображенский)** сделал заявление о занятии им поста патриаршего Местоблюстителя, и тем самым создалась угроза нового церковного раскола.

Для епископа Онуфрия была очевидна разрушительность этого предприятия, и он выступил с протестом против занятия митрополитом Агафангелом поста Местоблюстителя.

Власти тут же отреагировали на церковную позицию епископа и, по инициативе 6-го отделения СО ОГПУ во главе с Тучковым, 12 октября 1926 года Харьковское ОГПУ арестовало владыку.

Отвечая на вопросы следователя, епископ Онуфрий сказал:

– До моего ареста в Харькове проживали: епископ Харьковский Константин Дьяков, архиепископ Борис Шипулин, епископ Макарий Кармазин***, епископ Стефан Адриашенко, епископ Павел Кратиров, епископ Антоний Панкеев, епископ Феодосий Ващинский; все епископы, кроме епископов Константина и Павла, очутились в городе Харькове вследствие их вызова в город Харьков властями; в частности, я был вызван в город Харьков в начале 1924 года, где и был обязан подпиской о невыезде.

Следователь спросил:

– Гражданин Гагалюк, скажите, кто был инициатором составления письма к митрополиту Агафангелу, содержание этого письма, какие цели вы преследовали этим письмом? Не был ли вами также поднят вопрос о форме управления Русской Церковью – патриаршестве или коллегиальной форме? В частности, вы, какую форму считаете более приемлемой в России – патриаршество или коллегиальную форму?

Владыка ответил:

– Из города Перми почтой было прислано от митрополита Агафангела обращение на имя некоторых Харьковских епископов – архиепископа Бориса, епископа Константина и на мое имя. Митрополит Агафангел призывал нас и всех православных епископов, и духовенство, и верующих признать его, митрополита Агафангела, патриаршим Местоблюстителем. Из взаимной беседы друг с другом мы, епископы Харьковские, твердо решили признавать патриаршим Местоблюстителем лишь митрополита Петра; выступление митрополита Агафангела мы признали весьма вредным для Церкви Православной – расколом, о чем и написали ему в форме братского, дружеского письма, прося его не устраивать церковной смуты. Мы также написали митрополиту Агафангелу, что канонической формой управления в нашей Православной Русской Церкви является патриаршество или вообще единоличное управление, согласно 34-му апостольскому правилу, а коллегиальная форма правления в Церкви не может быть признана нами, как неканоническая.

Епископ Онуфрий был доставлен из Харькова в Москву в Бутырскую тюрьму. В конце октября 1926 года секретарь 6-го отделения СО ОГПУ Якимов, рассмотрев «дело» епископа, составила заключение: «...Епископ Онуфрий и... среди церковников и верующих города Харькова распространяли воззвание под названием “Открытое письмо” контрреволюционного содержания, в котором призывали верующих беречь патриаршую форму правления Церковью и не

** Священноисповедник Агафангел (в миру Александр Лаврентьевич Преображенский); память 3/16 октября.

*** Священномученик Макарий (в миру Григорий Яковлевич Кармазин), епископ Днепропетровский; память 20 ноября/3 декабря.

допускать коллегиального управления. Свои заветы мотивировали тем, что патриаршая форма в большей степени, чем коллегиальная, защищает Церковь от давящего и настойчивого вмешательства в церковные дела со стороны советской власти и тогда, когда советская власть не объявляет себя открытым врагом Церкви, и тогда, когда советская власть открыто объявляет себя врагом Церкви. Коллегиальное управление приносит только вред Церкви, лишая ее устойчивости, так как советская власть постарается подобрать в коллегию лиц, продающих Церковь и правду Христову и оптом и в розницу».

На основании этого заключения 5 ноября 1926 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило епископа Онуфрия к трем годам ссылки на Урал.

«Из шумного города Харькова переселился я в глухое село, – писал владыка. – Да будет воля Божия! Хотя и скорбно на душе, но нужно оставить думы о харьковских друзьях. Придется ли увидиться с ними? – сие от Господа. Во всяком случае, увидимся непременно в жизни загробной... А теперь нужно работать Богу и людям в тех условиях, в каких Господь определил мне жить...

Какой смысл моего пребывания в селе Кудымкар? Здесь я как бы в расширенной тюрьме. Служить я не могу, проповедовать в храме нельзя; приезжать ко мне не разрешают, стесняют принимать верующих... Почему же Господь это попускает? Не лучше ли было оставить меня в Харькове, где я мог широко сравнительно делать святое Божие дело, где я служил, благовествовал и в храме, и по домам, оттуда управлял широкой епархией Одесской? Зачем и другие епископы в узах?..

А между тем неверие усиленно работает, а вместе с ним рука об руку стараются разрушить Церковь Божию, очевидно не веря в ее неодолимость, многочисленные еретики и раскольники: обновленцы, самосвяты, лубенцы, последователи ВВЦС, и старые сектанты: баптисты, хлысты, и еще более их – древние католики, протестанты... Так нужны теперь работники на ниве Христовой, а их усиленно, искусственно уменьшают!.. Такова воля Божия или, вернее, попущение Божие. Ведь еще во времена апостольские Господь попускал быть в узах в Кесарии два года, в Риме тоже два года великому благовестнику апостолу Павлу, а как дорого было проповедничество и миссионерские путешествия по Церкви великого апостола!.. Так, значит, угодно было Богу!.. Не показывает ли Господь современным язычникам-богоборцам, что при максимуме их усилий и при связанности проповедников веры все же никто не одолеет Церкви Божией и чтобы поняли все противники Божии, что вера наша утверждается не на мудрости человеческой, но на силе Божией (1 Кор. 2, 5). Не оглядываться мне нужно назад, что было со мною, – оно во мне осталось, а работать нужно Богу и людям здесь, в глухом селе, почти в тюрьме: слугитель Христов должен нести свет Христов и в темницы, как это делали апостолы. Сказать слово веры своему случайному собеседнику, приголубить ребенка, открыто исповедовать и защищать свою веру, несмотря на насмешки и гонения неверующих, – все это значит нести свет Христов в окружающую жизнь. Есть и другие дела у меня здесь: в селе Кудымкаре – храм Божий православный, и я имею возможность ходить и молиться в нем. Какое это великое утешение! Могу причащаться Святых Христовых Таин – а что выше и отраднее сего!

Здесь, в уединении, вдали от шума, можно больше подумать о душе, о Боге. Я недавно писал одному славному юноше, христианину, что село Кудымкар – это пустынька для меня, где нужно мне поразмыслить усерднее о своих грехах и приблизиться к Господу Богу. В общении с Богом – искренней, горячей молитве –

какое это утешение для христианина!.. О, если бы Милосердный Господь призрел на меня, многогрешного, унылого, гордого, блудного, гневливого, ленивого, полного всяких беззаконий, дал мне искренне чувствовать раскаяние и стремление к Нему, Господу Богу, от всего сердца и от всего усердия!.. Как ни отдалено село Кудымкар от крупных центров (ближайший город большой – Пермь – около двухсот верст), есть еще несравненно более глухие места. Ходят слухи, что могут меня... сослать в другое далекое, пустынное место. Что же! Да будет и на сие воля Господня, если так угодно Богу!..

Верю непоколебимо, что Господь печется о всех нас, ибо неложно слово Спасителя: “и волос с головы вашей не пропадет” (Лк. 21, 18), – и другое утешительное речение Господне: “Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше” (Ин. 15, 20)».

В окрестностях, где поселился епископ, было мало верующих людей, и после огромной харьковской паствы он оказался миссионером в обстановке торжества воинствующего безбожия. «Уже второй месяц живу в селе Кудымкар, – писал владыка. – Несколько раз заходили ко мне в келью для духовной беседы люди. Между ними были крестьянки соседней деревушки... – Мария и Екатерина, обе весьма религиозные, еще не пожилые. Рассказывали они нам... о вере в Бога в деревне их. Твердых в вере борцов религиозных против неверия в деревне их только двое. Когда три года тому назад учительница собрала женщин-матерей этой деревушки... и предложила, чтобы дети их поснимали с шеи свои крестики... все, до двадцати женщин, приняли это предложение; лишь они двое – Мария и Екатерина – энергично протестовали, и стало по их желанию: детей пока оставили в покое. Конечно, атеистка-учительница неохотно пошла тут на уступки, так как сделать безбожным народ наш – край всех стремлений неверующих. Это Господь здесь не попускает вредному велению, видя огненную ревность, скорбь и слезы у христианок-матерей (у обеих дети учатся в школе).

Мои собеседницы-христианки из деревушки этой говорили: никто из деревни в церковь не ходит (церковь православная в версте). Смеются над нами! Даже старики уговаривают детишек не слушать нас, матерей, когда мы зовем ребят своих в храм Божий. Но мы не обращаем внимания на эти безумные речи стариков и свое святое дело делаем... Я им тоже советовал: сами твердо стойте в вере православной и детишек своих учите молитвам, чаще в храм водите, заставляйте читать слово Божие. А неверующих соседей своих не бойтесь, но еще призывайте их к вере. Знайте, что ваше дело имеет великое значение не только для вас лично – для спасения души вашей, но и для мира и покоя и благополучия внешнего: этой верою своею привлекаете вы благоволение Божие и на всех людей. Если вера иссякнет в нас, то и Спаситель наш и Бог отвернется от нас.

Однако, несомненно, эти две простые, малограмотные крестьянки, стоящие на страже веры среди окружающего их неверия, делают великое дело. Припоминаю и другие села, деревни и города, где мне пришлось жить или бывать. Всюду при множестве людей неверующих или равнодушных есть несколько верных рабов Божиих, твердых, неподкупных ни на лесть, ни на обман, ни на запугивания. Они открыто исповедуют Бога, заботятся о храмах Божиих, борются с неверием и разными ересями и расколами. И таких добрых Божиих рабов немало в стране нашей: во всяком глухом селе или деревушке есть свои Марии и Екатерины. Они представляют собою ядро христианское среди окружающих маловерных или вовсе неверующих...

Об эту веру таких усердных и верных христиан, как Мария и Екатерина, разбиваются все мутные воды безбожия. Как ни яростны мутные волны моря, им не опрокинуть горящих маяков...»

Во время архиерейского служения в Кривом Роге и в Харькове и в особенности в заключении и ссылке для епископа все ясней становилось, сколь велико значение пастырского служения, которое, конечно же, не должно ограничиваться стенами храма. Находясь в ссылке в селе Кудымкар, в мае 1927 года епископ Онуфрий писал: «И проповедь у нас слабая! Говорю о здешних местах. А ведь ничего особенного не требуется. Пересказал своими словами чужую проповедь – и это уже хорошо... Конечно, если не ходят в храмы Божии здешние православные, они как бы закрыты для них. В таком случае нужно говорить о Боге, о праздниках, о Таинствах, о христианской жизни, призывая к посещению святых храмов, к святому говению и поучая о прочем, ходя по домам своих прихожан, – терпеливо, настойчиво, с любовью. Пусть будут насмешки, даже ропот и угрозы – не обращать пастырю на это все внимания...

В той или иной мере эту любовь и самоотречение проявляют и современные пастыри православные и через то уловляют в сети Христовы равнодушных и даже враждебных к вере... Против такой пастырской настойчивости иногда возражают даже верные и честные служители Церкви. Так, одно почтенное духовное лицо мне возражало: “Я с вами совершенно не согласен. По-вашему следует, что священник и даже епископ должен сам идти к этим грубым людям. Это значит навязываться, когда тебя вовсе не просят и даже не желают! Нет, я пойду к тем, кто меня сам пригласит!.. Стану я напрашиваться к этим насмешливым! Еще издеваться будут, а то и выгонят! Не желаю. Не я в них нуждаюсь, а они во мне. Вот пусть приедут за мною, попросят – я поеду к ним!.. А самому идти унижаться, чуть ли не просить их, чтобы они меня приняли, не хочу! С какой стати я буду ронять свой духовный авторитет! Я вам советую: не ронять своего сана, а то вы готовы бежать за десятки верст и идти в хаты, когда вас о том вовсе не просят и, может быть, совсем не желают!..”

Не знаю, как влияют на тебя, дорогой друг, такие речи, но в моей душе они вызывают тяжелое чувство... И так может говорить православный служитель Церкви Божией, апостол святой веры... Это – бессердечный человек, которому вовсе нет дела до души верующих! Для него как бы не существуют овцы его стада!.. Как они живут, как спасают свою душу, ему не интересно. Если среди них находятся хорошие, послушные, он охотно к ним пойдет, а к бедным, несчастным, заблудшим он не идет и почти... презирует их. И слышатся слова Спасителя: “не здоровые имеют нужду во враче, но больные, пойдите, научитесь, что значит: милости хочу, а не жертвы. Ибо Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию” (Мф. 9, 12-13). Нет у подобных пастырей именно сострадания, снисхождения, любви к людям... Таким путем не увеличишь числа верующих в своем приходе. Дай Господи, чтобы удержать тех, кто есть. Между тем назначение пастырей – апостольское. Не только утвердить верующих, но и поддержать слабых, привести к Богу и неверных. А без собственного вхождения к неверующим или колеблющимся, без жалости к ним ничего не успеешь... Ждать же, чтобы они сами пришли к нам, православным пастырям, – неразумно. В особенности теперь, когда специально стараются отвлечь от Церкви Божией и удержать в безбожии. Возмущают душу мою и речи о том, что ревностный пастырь, сам идущий к нежелающим его, подрывает свой авторитет. Это совершенно языческое понимание...

В отыскивании заблудших, во вторжении к грешникам со стороны пастыря Христова не унижение, а величие души труженика, старающегося идти по стопам Самого Пастыреначальника и Бога... Нет, пока на земле Церковь Божия, а она всегда будет, пока Господу угодно, чтобы существовал сей мир, пастыри Христовы, как продолжатели апостольского дела на земле, не могут и не должны отходить от своего величайшего и ответственного служения приводить всех людей к Церкви Божией, к Богу, всячески снисходя к немощам людским, будучи, по апостолу, для всех всем (1 Кор. 9, 22), чтобы спасти по крайней мере нескольких, если не всех. А теперь, когда так нагло подняли свою голову безбожие и всякие расколы и ереси и объявляют свои права на каждую человеческую душу, особенно необходимо трудиться всем нам, пастырям, посланникам Христа Спасителя, помня слова, сказанные Им после Его преславного воскресения из мертвых святым апостолам, а в лице их всем православным святителям и пастырям: “Дана Мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь” (Мф. 28, 18-20)».

Эта ревность о пастве, спасении человеческих душ скоро была замечена безбожными властями, наблюдавшими через своих агентов за жизнью владыки в ссылке, и 25 июня 1927 года, в день тезоименитства епископа Онуфрия, власти устроили у него обыск.

Владыка об этом писал: «Ко дню моего Ангела приехали ко мне из далекого Харькова две гостьи, мои духовные дочери и вместе мои благодетельницы: одна – монахиня пятидесяти с лишком лет, другая – будущая послушница, около сорока лет. Они поместились в сторожке при церкви, где живут сторожихи-монахини. Но гостьи мои, по моей оплошности, не зарегистрировались, а это следовало сделать, так как я считаюсь ссыльным, а они не скрывали, что приехали поздравить меня ко дню Ангела. Ночью накануне моего праздника их арестовали и продержали в тюрьме около месяца, хотя при обыске ничего не нашли ни у меня, ни у них...

В день моего Ангела в доме священника, где обедал я с другими верующими, моими гостями, сделали обыск как раз во время обеда... Потом, после допроса, запретили мне читать и петь в церкви. В конце же готово было подняться новое тяжкое испытание для меня... Хотелось сказать слово ропота, но примирился я, грешный, с волею Божией. И вот Господь сразу же все отнял: дело травли кончилось, узники получили свободу, я просветлел душою и телом... Виновником ареста моих гостей общий голос признает местного священника. А он считается православным; со мной он вежлив и весел, в его доме я столуюсь, и в течение полугода моего знакомства с ним он воспринял от меня, грешного, немало добра материального и духовной поддержки. Меня чрезвычайно поразило это явление, которому нельзя не верить. Однако, дорогой друг, я был душевно потрясен другим предательством со стороны этого же лица, именно – обыском в том доме, где я обедал со своими гостями, а он – хозяин этого дома... Когда неожиданно окружили комнату, где мы мирно и вместе как-то печально (в связи с арестом моих гостей) сидели, и начали обыск, я, привыкший к обыскам и ни в чем не повинный политически, был страшно взволнован от этого гадливого и наглого попрания человеческого (моего) достоинства, не со стороны делавших обыск, а со стороны предателя. Подумай, дорогой друг, до чего мы дожили: хозяин предает своего гостя, священник – своего епископа, в день его Ангела, в

ссылке, когда он так нуждается хотя бы в маленькой поддержке со стороны тех, кому он верит и считает своими по духу!..

Конечно, предательство в отношении меня ничем не кончилось, как и все обыски, ибо у меня никогда ничего не было против предрежащей власти. Но гнусное и низкое иудино окаянство было на деле. Господи, да что же это такое?! Что случилось с христианами и даже священниками! При всем желании быть снисходительным к людям, я уже не мог с того дня переступить порог этого дома, где так нагло и цинично предан был человек – христианин – епископ! Я не буду судить предателя, не питаю к нему никакой вражды, считаю по-прежнему православным, отдал все на суд Божий, только уже дружеских отношений у меня нет, а лишь обычные, официальные, но не злобные...»

В то время как гости епископа сидели в тюрьме, в местной газете появилась статья без подписи, в которой было написано, что к ссылке православному епископу Онуфрию приехали его любовницы, и целую ночь он развлекался с ними, превратив церковный дом в гарем. Как ни был кроток и смирен епископ, но в данном случае он решил не оставлять злобной клеветы без ответа. Написав опровержение, он отправился к местному прокурору с требованием указать имя автора клеветнической статьи и обязать редактора газеты опубликовать опровержение. Прокурор принял епископа подчеркнуто насмешливо и не стал читать опровержение, заявив, что он вполне доверяет авторам советских газет.

Известие о новой церковной смуте, о том, что часть архиереев вышла из подчинения митрополиту Сергию, застало епископа в ссылке в глухой деревне Романово. Владыка тяжело переживал это церковное смятение, ему трудно было из ссылки вникнуть в те соображения, размышления и переживания, которые волновали тогда многих святителей, для которых действия митрополита Сергия виделись далеко не бесспорными.

В октябре 1928 года епископ Онуфрий был арестован и отправлен в Тобольск. На пути его ждало тяжкое искушение. «Я находился на пристани в Тюмени, поджидая пароход, – рассказывал он впоследствии. – Ко мне подошел человек и спросил: “Вы епископ православный?” Я ответил. Он протянул руку за милостыней. Я хотел дать ему денег, но вдруг почувствовал сильный удар в левую руку и жгучую боль. Оглянувшись, я увидел, что тот человек убегает. Заметив на руке кровь, я пошел на пароход, где промыли и забинтовали рану мою на руке. Успокоившись, я подумал: смерть моя нужна врагам моим, и только они могли подстроить это покушение, но Господь спас меня».

В Тобольске епископ пробыл три месяца. Об этом времени и о последующем своем путешествии в качестве узника владыка писал: «Пишу из глубокого северного Сургута, куда прибыл я в новое место своей ссылки 11 февраля 1929 года, ночью.

Предчувствия мои оправдались: в городе Тобольске, при сравнительно внешнем благополучии, всякий день ожидал я, что меня возьмут и сошлют дальше. Это случилось 30 января вечером. Произвели у меня на квартире обыск и, ничего не найдя, повели в тобольскую тюрьму. Из культурной обстановки – опять в атмосферу тюремной жизни с ее тяжелым режимом, холодом, голодом, грязью, а для меня еще и неудобствами в пище, которая подавалась мясной. Но Господь утешил меня, и я благодушно перенес все эти невзгоды. В числе союзников моих оказалось несколько крестьян и среди них их священник православный, старец лет шестидесяти... В беседе с крестьянами я сказал им при

священнике: вот батюшка с вами всюду – и в церкви, и на полях, и по домам, и... в тюрьме...

Да, наши православные пастыри в большинстве делят горе со своими чадами. Почти всегда, когда приходилось мне быть или ехать в тюрьмы, подобно тем, где я был в числе арестантов, видел я фигуру священника, или инока, или епископа...

В день своей архиерейской хиротонии, 4 февраля, я выехал под конвоем в Сургут: семьсот верст от Тобольска. Ехать было холодно, тесно, но я терпел имени Его ради... Всюду на остановках казенных, где мы грелись от мороза, отдыхали и ели, – всюду были в домах святые иконы. В одном месте утешил меня мальчик лет трех, Саша, с крестом на груди. И только в селе Самарове я не нашел в хате, где мы останавливались, святой иконы. Семья очевидно не религиозная. Я наблюдал за ними. Отец и старший сын (активный безбожник) производили неопределенное впечатление. Мальчик лет тринадцати, Андрюша, оказался с душой испорченной, подлой: он проследил ссыльного еврея из той же партии, где был и я, когда тот незаметно вышел за ворота, где его поджидали друзья, проживавшие в этом селе – Самарове, подслушал его разговор, дал знать конвойному и все ему рассказал. У ребенка не нашлось сострадания к несчастному ссыльному. Мать – необыкновенно грубая и даже сальная. Она не преминула изругать меня, хотя я был ее гостем и в скорбном настроении арестанта. За малую крошку хлеба, стакан чая и молока она потребовала два рубля, тогда как это стоило не более тридцати копеек.

Воистину, потеряет человек Бога – потеряет и любовь, сострадание, скромность, станет жестоким, грубым, жадным зверем... Господь да вразумит этих несчастных!

Я прибыл в Сургут. Господь помог мне здесь устроиться. Вижу милость Божию к себе. Посетил убогий храм сургутский, говел, причащался Святых Христовых Таин».

Лишенный гражданскими властями возможности проповедовать в храмах, во время жизни в ссылке епископ принялся за составление письменных работ. В Кудымкаре он написал двести восемьдесят две статьи на духовные темы, во время ссылки в Тобольск и Сургут – шестьдесят одну статью. Сам епископ о церковном писательстве говорил: «На епископах преимущественно лежит долг проповедовать слово Божие. Почти все мы исполняем это и усердно возвещаем Царство Христово на земле – но устно. Подвиг духовного писательства несут из нас лишь немногие. Конечно, устная проповедь имеет главное значение: произносимая с воодушевлением и убеждением перед большой аудиторией до тысячи молящихся, иногда она оказывает большое влияние на слушателей, направляя их к Богу и доброй христианской жизни. Но и самое красноречивое слово скоро забывается. Притом часто является сильное желание у верующего почитать у себя на дому что-либо из области веры. В этом отношении необходимо письменное наставление.

Если устное слово возбуждает веру у молящихся, то письменное усугубляет ее, утверждает. О важности письменной проповеди апостол славянских христиан Кирилл говорил: “Проповедовать только устно – все равно что писать на песке”.

Мне могут возразить, что нельзя отрицать громадное значение церковного писательства, но это могло иметь место прежде, когда к услугам Православной Церкви было книгопечатание, а теперь, когда нельзя напечатать ничего, касающегося православной веры, можно ли говорить о письменности духовной?

На это я отвечаю: и в настоящее время письменность церковная очень важна и необходима не менее, чем прежде. Епископ может писать проповеди свои, трактаты по вопросам веры, богословские сочинения, конечно лишь в количестве пяти или десяти экземпляров на пишущей машинке, в крайнем случае, в виде одной своей рукописи...

И даже такой ограниченный до последнего минимума труд епископа весьма полезен. Прежде всего самому автору он дает руководство для дальнейшего учительства: прочитывая на досуге свой труд, он вспоминает прошлое и, при случае, о нем говорит и своей пастве. Жизнь теперь очень сложна и текуча, и в течение года можно забыть очень важные моменты церковные...

Рукопись свою можно дать для прочтения верным христианам, которые были бы способны и других научить, и таким путем наше поучение станет известно многим.

Наконец, преемники наши в письменном учительстве нашем найдут для себя повод к собственным трудам: что нужно добавить и разъяснить, о чем по немощи мы забыли сказать, войдут в труд наш, как мы сами вошли в труд наших предшественников.

Церковное писательство для епископа теперь гораздо нужнее, чем прежде, при возможности печатать богословские труды. Тогда мы могли пользоваться произведениями наших выдающихся церковных писателей, выписывать их, распространять их. Теперь, когда возникают вопросы текущей жизни, мы обязаны сами отвечать на них, руководствуясь святой Библией, правилами каноническими и творениями святых отцов, насколько их имеем, обращаясь наипаче с горячей молитвой к Всевышнему Духу Утешителю, просветившему бескнижных апостолов...»

Осенью 1929 года епископ получил разрешение покинуть место ссылки и бесконвойно следовать в Tobольск. На пути в Tobольск в селе Уват он был арестован, но вскоре освобожден и в ноябре 1929 года прибыл в Tobольск. Между тем 12 октября закончилась его трехлетняя ссылка, и 14 октября Особое Собрание при Коллегии ОГПУ вынесло постановление: «По отбытии срока наказания Гагалюка... лишить права проживания в Москве, Ленинграде, Ростове-на-Дону, означенных округах и УССР с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года».

Епископ был вызван в ОГПУ, где ему предложили выбрать место для жительства. Владыка выбрал город Старый Оскол в Курской области. В соответствии с этим выбором в ноябре 1929 года митрополит Сергей назначил его епископом Старооскольским, образовав ради него по тесным обстоятельствам времени новую кафедру. В декабре 1929 года епископ Онуфрий прибыл в Старый Оскол и вступил в управление епархией.

В Старом Осколе к тому времени у православных оставалось шесть городских и семь слободских церквей вблизи города, но власти разрешили служить епископу только в одном храме. Обновленцы к этому времени захватили большинство храмов, и приезд в город православного епископа оказался тяжелым для них ударом. Все православные устремились к владыке, первая же его служба в храме привлекла сердца многих.

Хотя выезд из города епископу был запрещен, это не помешало ему успешно управлять епархией. Епархиальной канцелярии у него не было, и всех посетителей – священнослужителей и мирян – он принимал в небольшой комнатке, где жил. У него всегда были посетители, желавшие поговорить с ним

лично, приезжали люди и из других областей – он всех принимал с охотой и любовью, в меру своих сил стараясь разрешить их вопросы и удовлетворить просьбы. Результатом его деятельности явилось почти полное исчезновение обновленчества в пределах епархии и увеличение числа действующих православных храмов. Только за три первых месяца пребывания его на кафедре – с декабря 1929-го по март 1930 года – количество православных храмов в епархии возросло с двадцати до ста шестидесяти одного. Однако гонения и притеснения в это время не прекращались.

В 1932 году один из его друзей-священнослужителей написал епископу, что решил прекратить дело проповеди и ограничиться одним богослужением, а то «иной недобрый человек извратит мои слова, и я могу пострадать! Когда увижу хоть некоторое успокоение, тогда продолжу дело благовествования».

Епископ Онуфрий ответил ему: «Никак не могу согласиться с твоими доводами. Долг святителя и пастыря Церкви – благовествовать день от дня спасение Бога нашего: и в дни мира, и в дни бурь церковных, в храме, в доме, в темнице. Послушай, как объясняет святитель Иоанн Златоуст слово святого апостола Павла: “проповедуй слово, стой во время и не во время, обличай, запрещай, увещивай со всяким долготерпением и назиданием” (2 Тим. 4, 2). Что значит “стой во время и не во время”? То есть не назначай определенного времени, пусть будет у тебя всегда время для этого, а не только во время мира, спокойствия или сидения в церкви; хотя бы ты был в опасности, хотя бы в темнице, хотя бы в узах, хотя бы готовился идти на смерть – и в это время не переставай обличать, вразумлять. Тогда и благовременно делать обличение, когда оно может иметь успех.

Тогда наша проповедь дает плод, когда люди ее жаждут. В дни скорби, смущений самое простое искреннее слово пастыря приносит сторичный плод.

На днях исполнилось три года моего святительского служения в Старооскольской епархии. С первого вступительного слова... и поныне всякий воскресный праздничный день за Божественной литургией и в воскресные вечерни я говорил поучения своей пастве. Делал это я не без смущения, волнений и страхов. Но Господь Милосердный хранил меня, и верю: сохранит и впредь.

А если угодно будет Господу – приму и скорби за слово истины.

Если мы умолкнем, то кто будет говорить? На проповедь Царства Божия послал нас Сам Господь. И горе нам, если мы не благовествуем! Мы становимся в таком случае в ряды противников Божиих. Вот почему и святой апостол Павел, убеждая своего ученика епископа Тимофея неустанно проповедовать слово Божие, закликает его Христом Богом совершать дело благовестника.

В твоих словах, дорогой друг, вижу одну лишь справедливую мысль – нужно остерегаться проповеднику Христову злых людей, искажающих наши слова. Сам Христос Спаситель поучает нас быть осторожными: “Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас...” (Мф. 10, 16-17). Поэтому нам говорить нужно лишь о Христе Спасителе и Его учении, не касаясь ничего постороннего. Уклоняться же от христианской проповеди мы не можем. А от лукавых людей оградить нас силен лишь Господь, в волю Которого отдадим мы свой труд и всю свою жизнь.

Попросим со смирением и усердием Пастыреначальника, чтобы Он дал нам силы многие пасти овец Его и тем выразить Ему свою любовь и свое попечение о малых сих...

“Не вы Меня избрали, а Я вас избрал и поставил вас, чтобы вы шли и приносили плод, и чтобы плод ваш пребывал” (Ин. 15, 16)».

В 1933 году исполнилось десять лет архиерейского служения епископа Онуфрия, почти половину которого он провел в тюрьмах и ссылках. Подводя итог этому служению, он писал: «Десять лет архиерейского служения! В этот священный для меня день душа моя прежде всего устремляется к Благодеющему Богу, Который сохранил меня в сонме святителей Церкви, ближайших друзей Своих. О, как высока эта честь – быть другом Христовым, продолжателем дела Спасителя на земле и Его святых апостолов, ибо епископ и призывается к этому при хиротонии своей архиерейской.

Много соблазнов, страхов, волнений, опасностей пережил я за эти годы. Но от всех их избавил меня Господь. Скажу ли с великим апостолом: “И избавит меня Господь от всякого злого дела и сохранит для Своего Небесного Царства” (2 Тим. 4, 18)?

Что дал мне десятилетний стаж архиерейский?

Думаю, что я получил некоторый духовный опыт в отношении людей: за эти годы тысячи людей прошли передо мной – в Киеве, Елисаветграде, Одессе, Кривом Роге, Харькове, Перми, Кудымкаре, Тобольске, Старом Осколе. Много разных характеров видел я. И злобу, и ожесточение, и предательство – и смирение, покаяние, умиление, крепкую веру в Бога, милосердие к несчастным я наблюдал...

Опыт жизни научил меня узнавать, кто враг Церкви и кто ее верный сын... Годы моего архиерейства прошли в чрезвычайно сложной церковной обстановке. Первые дни моего святительства совпали с наиболее наглыми, циничными насилиями обновленцев над Церковью Божией.

Иоанникиевщина, лубенщина, григорианский раскол, неверные шаги митрополита Агафангела, иосифлянский раскол, в среде которого есть немало идейных нестроений. Все это волновало, всем этим болел я как епископ, боялся за верующих, боролся, как мог, с раздирателями Христова хитона.

Скорби тюрем и ссылок – незначительны в сравнении со скорбями церковными... Как я удержался от этих расколов при своей боязливости и неопытности? Только по милости Божией! Очевидно, были и добрые люди, за молитвы которых Господь сжалился надо мною и оставил в ограде Своей Церкви...

Внешнее положение Церкви от нас не зависит, и мы не дадим за сие отчета перед Богом – а дадим отчет Судии в том, что могли сделать и не сделали.

Отдавая все на волю Божию, мы, святители Церкви Православной, должны со всем усердием служить Богу и людям каждый “тем даром, какой получил, как добрые домостроители многоразличной благодати Божией” (1 Пет. 4, 10)».

Скромный вид епископа, его аскетичная внешность, ласковые глаза, в которых отражались глубокая вера и любовь к Богу и ближним, его вдохновенные проповеди, призывающие людей к покаянию, к прощению обид, к верности Святой Православной Церкви, вызывали в сердцах верующих глубокую любовь к святителю, почитание и благодарность.

Старооскольцы вскоре привыкли, что владыка с первого дня приезда в их город служит в храме ежедневно, и утром и вечером, и всякий раз проповедует, и они спешили на службу, чтобы почаще быть в храме с епископом.

В марте 1933 года ОГПУ арестовало епископа. Две недели он сидел в старооскольской тюрьме, а затем был отправлен в тюрьму в Воронеж. В июне

уполномоченный ОГПУ по Центральной Черноземной области составил по «делу» епископа Онуфрия заключение: «За время пребывания в городе Старом Осколе епископ Онуфрий вел себя, как сторонник “ИПЦ”, он всегда окружал себя антисоветским монашеским элементом и стремился в глазах наиболее фанатичных крестьян из числа верующих показать себя как мученика за православную веру и гонимого за это советской властью. Принимая во внимание, что епископу Онуфрию срок ограничения окончился... полагал бы возбудить ходатайство перед СПО ОГПУ о пересмотре дела епископа Онуфрия с предложением: лишить его права проживания в центральных городах с прикреплением к определенному месту жительства».

От начальства на это предложение последовал ответ: «Если есть данные о его активной контрреволюционной работе – пусть привлекают по новому делу. По этим данным продлить срок мы не можем».

Данных, однако, не нашлось, и епископ в июне 1933 года был освобожден. Выйдя из заключения, он был назначен на Курскую кафедру и возведен в сан архиепископа.

С огромной радостью и любовью встретили его православные в Курске. Власти сразу же стали преследовать архиепископа, чиня ему всякие стеснения и неудобства, – из всех храмов ему было разрешено служить только в одном, причем, видя, что архиерей нисколько не смущен этим обстоятельством и даже как бы и не замечает его, его перевели в меньший, а затем и в еще меньший. Безбожники не могли запретить святителю говорить проповеди и окормлять духовно паству, но они делали все, чтобы его слышало как можно меньше людей. Как и в Старом Осколе, ему были запрещены поездки по епархии для посещения сельских приходов. Ему так же, как и в Старом Осколе, пришлось ограничить свою архипастырскую деятельность пределами города, проповедовать в одном храме, принимать всех посетителей у себя дома, но так же, как и раньше, он много писал: в Курске им была написана тридцать одна статья на религиозно-богословские темы.

В Курске мать архиепископа Онуфрия, которая жила с ним в одном доме, пожелала принять монашеский постриг и была пострижена в монашество с именем Наталия.

Жил владыка очень скромно, аскетом, никогда не заботился о хлебе насущном, будучи вполне доволен тем, что посылал Господь. Не было у него ни удобств в квартире, ни излишка в одежде, а только самое необходимое. Видя его полную нестяжательность, верующие сами старались снабдить его всем нужным для жизни. Зная о его благотворительности, они давали ему деньги, которые он раздавал нуждающимся, ничего не оставляя для себя. У его дома постоянно толпились нищие и обездоленные, нуждающиеся в помощи и поддержке.

Однажды зимой уже под вечер к архиепископу пришел больной, изнуренный голодом преклонных лет священник, только что освободившийся из тюрьмы. Он был одет в летний, весь в дырах и заплатках подрясник и дрожал от холода.

Архиепископ тотчас велел приготовить для священника баню и дать ему чистое белье. Затем он пригласил его к себе, накормил и уложил спать на своей кровати, сам устроившись на кушетке. Утром, отправляясь в село, священник надел свой ветхий, выстиранный и высушенный за ночь подрясник и стал прощаться с владыкой. Архиепископ, увидев его в такой одежде, сказал, что он никак не может отпустить его на мороз в таком виде, и велел своим домашним

принести какое-нибудь теплое пальто или шубу, но таковых не оказалось. Опечаленный этим обстоятельством, ища, чем помочь священнику, он вспомнил, что верующие недавно подарили ему новую теплую, на беличьем меху рясу. Он попросил ее принести, и сам надел рясу на старика-священника и благословил его в путь. Весь в слезах, обрадованный, уходил священник.

После его ухода мать архиерея, монахиня Наталия, заметила владыке, что он лишился единственной теплой рясы, так необходимой ему самому. В ответ архиепископ, улыбнувшись, сказал: «Господь по милости Своей пошлет мне другую».

Бывали иногда и курьезные случаи. К нему однажды пришел уволенный за пьянство бывший сотрудник ОГПУ. Он пришел ночью и, представившись уполномоченным отдела государственной безопасности, не предъявляя никаких документов, сказал, что пришел делать обыск, и потребовал, чтобы ему указали, где лежат деньги. Архиепископ молча показал ему на ящик письменного стола. Взяв находившиеся в столе деньги – несколько сот рублей, он потребовал под угрозой смерти, чтобы ни архиепископ, ни его домашние никому не говорили о его посещении и ушел, ничего более не взяв.

После ухода грабителя присутствовавшая при этом мать архиепископа стала настаивать, чтобы он немедленно заявил о грабеже в милицию, так как подобный случай мог повториться, на что архиепископ ответил: «Я знаю, что этот человек уже не состоит в числе сотрудников названного им учреждения, он самозванец и грабитель. Но если я заявлю о его проделке, он будет арестован и судим и, может быть, расстрелян. А я не хочу его гибели. Может быть, он еще устыдится содеянного и покается в своих грехах».

В феврале 1935 года исполнилось двенадцать лет святительского служения архиепископа Онуфрия. В одном из своих писем владыка писал: «Двенадцать лет святительства... Я служил ныне, хотя чувствовал себя больным. Желал быть в общении со Спасителем и Богом. За Божественной литургией читались наставления Господа Иисуса Христа семидесяти апостолам при отправлении их на проповедь. Я обратил внимание на слова Спасителя: “В какой дом войдете, сперва говорите: мир дому сему; и если будет там сын мира, то почиет на нем мир ваш, а если нет, то к вам возвратится” [Лк. 10, 5].

Мы должны нести свет Христов всем людям. Как отнесутся к нам – с любовью или враждебно, нас это не касается. Мы исполняем служение проповедников Христовых.

Я радуюсь, что Господь дал мне силы проповедовать людям о Христе, приводить их ко Христу Богочеловеку, в Котором только могут найти люди истинное счастье и цель жизни – обрести надежный покой и вечную радость...»

23 июля 1935 года власти арестовали архиепископа Онуфрия и служивших с ним в Спасской церкви игумена Мартиниана (Феоктистова), протоиерея Ипполита Красновского, священника Виктора Каракулина, диакона Василия Гнездилова и псаломщика Александра Вязьмина. Власти обвинили архиепископа в том, что он слишком часто обращался к верующим со словом проповеди, что благословил совершить несколько постригов в монашество, среди которых был совершен постриг в мантию и его матери, а также в том, что он оказывал материальную помощь нуждающимся, и в частности освободившимся из заключения священнослужителям. Во время обыска у владыки были изъяты сделанные им выписки из книг святых отцов и духовных писателей, содержание которых было сочтено следователями контрреволюционным.

Онуфрий, архиепископ Курский

– Расскажите, – спросил следователь, – отображают ли эти записи ваши личные взгляды?

– Обнаруженные у меня при обыске мои личные записи – это выдержки из разных произведений. Например: «...Прогресс, отрицающий Бога и Христа, в конце концов становится регрессом, цивилизация завершается одичанием, свобода – деспотизмом и рабством. Совлекая с себя образ Божий, человек неминуемо совлечет – уже совлекает с себя, и образ человеческий и возревнует об образе зверином». – «Если враги хотят от нас чести и славы – дадим им; если хотят золота и серебра – дадим и это; но за имя Христово, за веру православную нам подобает душу свою положить и кровь пролить». – «...Диавол всегда ратоборствует против Церкви, наносит ей иногда тяжкие удары, сказывающиеся в богоотступничестве, ересь и расколах, но никогда не побеждает ее и не победит. Есть исконная брань против Церкви, есть тяжкие скорби для пастырей и для всех верующих, но нет победы над Церковью». В основном эти выписки, – сказал владыка, – отражают мои личные взгляды. Причем они, по моему мнению, ничего, кроме религиозных взглядов, из себя не представляют.

Особенно долго следователь расспрашивал о проповедях, содержание которых лжесвидетели по обыкновению передавали превратно.

– Следствию известно, что вы, занимая положение областного архиерея, проводили контрреволюционную деятельность и использовали в этом направлении, в частности, церковные проповеди. Признаете ли себя в этом виновным?

– Нет, я этого не делал, и виновным себя в ведении контрреволюционной деятельности и, в частности, в использовании в контрреволюционных целях церковных проповедей я себя не признаю.

– Вы говорили в одной из своих проповедей, в частности в ноябре 1934 года, следующее: «Великомученик Димитрий не устранился царя и сказал ему в свое время правду в глаза. Мы так же, как бы нам ни пришлось страдать, должны быть тверды»?

– Да. Говорил.

– Признаете ли себя виновным в том, что вы в своих проповедях по существу призывали верующих к борьбе с советской властью?

– Нет. В своих проповедях призыва верующих к борьбе с советской властью я не высказывал и виновным себя в этом не признаю.

– Следствию известно, что вы в своих проповедях, касаясь достижений советской власти в области техники, высказывали враждебное отношение к техническому прогрессу в стране и, в частности, в октябре 1934 года говорили: «Что из того, что достижения наши велики – летаем высоко, плаваем в глубинах и слышим на больших пространствах, но душу забываем и сердце наше – в сетях безбожия». Говорили вы это?

– Я не отрицаю, что нечто подобное я говорил, но слово «безбожие» я в своих проповедях не употреблял и враждебного отношения к техническому прогрессу не высказывал.

– Признаете ли себя виновным в том, что вы в своих проповедях высказывали антиобщественное направление и, в частности, в октябре 1934 года говорили: «Жизнь в безбожном обществе заставляет совершенно отказаться от веры в Бога. Жизнь с корнем вырывает все доброе. Современность заставляет идти на другой путь – антирелигиозный, дьявольский, на путь вечной гибели». Или: «Бед у нас теперь много. Особенное терпенье нужно теперь людям деревенским».

– Виновным себя в произнесении проповедей в антиобщественном направлении я не признаю. Имея в виду, что слово «безбожие» в умах граждан может преломиться в противообщественном направлении, я это слово в своих проповедях не употреблял, а говорил в более мягких выражениях, заменяя, в частности, словом «неверие». Слов, приведенных в вопросе, я не говорил. Но о вере и неверии в настоящее время я говорил, что неверие теперь распространено в сильной степени. Слов о деревне я с кафедры также не говорил. Что же касается вопроса о бедах в настоящее время, то этот вопрос я никогда не выпячивал. Я говорил о страданиях, что они являются постоянным уделом христианина на земле.

– Употребляли ли вы в одной из своих проповедей в октябре 1934 года выражение: «Здесь – свет, а там – тьма». И в каком смысле это было сказано?

– Подобной фразы я не помню, но допускаю, что я ее мог сказать в том смысле, что христианство несет миру духовный свет и что вне христианской веры – духовная тьма, то есть незнание истинной христианской веры.

– Следствию известно о том, что вы в своих проповедях внушали гражданам недоверие к научным данным по вопросу происхождения человека. Что вы можете об этом сказать?

– В проповедях я приводил сравнение – параллель между христианским учением о происхождении человека и учением дарвинизма, и говорил, что для христианина учение Дарвина о происхождении человека неприемлемо.

– Признаете ли вы себя виновным в том, что в своих проповедях научные данные о происхождении человека стремились дискредитировать?

– Нет. Виновным себя в этом я не признаю. Я касался только учения Дарвина, а вообще научные данные о происхождении человека я не отрицал.

– Следствию известно, что вы в целях развития контрреволюционной деятельности концентрировали, пользуясь положением областного архиерея, вокруг себя и на территории области реакционные элементы из монашеских и репрессированного духовенства. Признаете ли себя в этом виновным?

– Виновным себя в этом не признаю, так как я концентрации вокруг себя и на территории области монашеских и репрессированного духовенства не проводил. Но духовенству из репрессированных за контрреволюционную деятельность наравне с другими, то есть нерепрессированными, по мере их ко мне обращений, я помогал как выдачей денежных средств, так и предоставлением по мере возможности мест при церквях.

В октябре 1935 года архиепископу устроили очные ставки со лжесвидетелями, причем проводили их за две-три минуты, дабы нравственный авторитет исповедника не успел оказать влияния на лжесвидетеля.

Все выставленные против него лжесвидетельства архиепископ категорически отверг. После окончания следствия, перебирая в памяти задававшиеся ему следователем вопросы и свои ответы, святитель счел нужным сделать к ним добавления. Он написал: «По вопросу о пострижении в монашество. Здесь мне задан вопрос: “Вы совершали на территории Курской области тайные постриги в монашество?” И стоит мой ответ: “Да”. Этот мой ответ не вполне точный. Я никогда не совершал и не благословлял тайных постригов. Тайные постриги – это такие, которые совершаются самочинно, без разрешения архиерея; постриженные скрывают, что они – монахи или монахини, носят обычную мирскую одежду. А открытые постриги – это те, которые совершаются с разрешения архиерея, постриженные не скрывают того, что они приняли монашество. С моего разрешения были совершены постриги в монашество нескольких старых женщин... Эти постриги именно квалифицируются как открытые, так как все постриженные не скрывали того, что они приняли монашество, и ходили в монашеской форме. Так, моя мать Екатерина была пострижена весной 1935 года в моей келье с именем Наталии, и все верующие города Курска знают, что она теперь – монахиня Наталия.

По вопросу о проповедях моих в храмах. Против меня выставляются некоторые выдержки из моих проповедей – будто их я говорил. Я возражаю; те лица, которые слышали эти слова, якобы мною сказанные, – не могут привести точно моих проповедей, так как эти мои проповеди они не записывали, а помнят лишь их по слуху».

20 октября следствие было закончено; 4 декабря дело было передано в Специальную Коллегию Курского областного суда, и на следующий день в 8 часов утра архиепископу вручили обвинительное заключение.

С 8 декабря 1935 года начались закрытые заседания суда, которые продолжались два дня. Все обвиняемые, как на предварительном следствии, так и в судебном заседании, отказались признать себя виновными.

Архиепископ Онуфрий предстал на суде как Божий святитель, готовый пострадать за Христа. Ему претили лукавство и ложь, на которые его толкали противники веры. «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю, – начал свое слово святитель, – никаких сборищ у нас не было и группы у нас никакой не было, все священники у нас зарегистрированы, и они могли и имели право приходить ко мне.

Мы принадлежим к ориентации митрополита Сергия. Проповеди я говорил в тех храмах, которые были зарегистрированы, – в Спасском, Благовещенском и Троицком. На очной ставке свидетель путался в изложении моих выражений на проповедях – я категорически отрицаю, что в своих проповедях допускал контрреволюционные фразы, – я в проповедях говорил только поучения, наставления о Евангелии, молитвах, что допущено гражданским правом.

Записки, отобранные у меня, выписаны моей рукой из дореволюционных книг религиозного характера для проповедей, я их воспринимаю с чисто церковной точки зрения. Часть из этих записок я заимствовал для своих проповедей религиозно-нравственного характера...

Добровольные пожертвования, на которые мы существовали, собирались путем обхода верующих с кружкой и использовались для уплаты налогов и выплат в Патриархию... никакого учета по этим поступлениям я не вел; я оказывал денежную помощь особенно нуждающимся, обращавшимся за помощью.

За мою бытность в Курске было произведено четыре пострига в монашество: то были старушки, из них одна – моя мать; эти постриги были на случай смерти, а не для создания кадров, две из них уже умерли. Постриг произведен по просьбе самих постригавшихся, это совершалось скромно, в моей келье, тогда как я имею право совершать это в церкви.

В своих проповедях я говорил о страданиях: я говорил в редакции той, что страдания – удел всякого христианина. Слово “безбожие” я не употреблял в своих проповедях, а говорил “неверие”; приводя примеры из жизни верующих во время царствования Нерона, я говорил: нужно веровать, молиться; я говорил: христианство есть свет, религия непобедима, имея в виду те мероприятия, которые были в первые века гонения на христианство; в отношении великомученика Димитрия я говорил, что как он говорил правду не боясь царю Максимиану, так и нам следует говорить правду всегда и всем.

Вопрос о происхождении мира я излагал с точки зрения религии, и при этом сказал, что точка зрения Дарвина неприемлема религией, как отвергающая бытие Божие».

9 декабря суд зачитал приговор: архиепископ Онуфрий, игумен Мартиниан (Феокистов), протоиерей Ипполит Красновский, священник Виктор Каракулин – были приговорены к десяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, диакон Василий Гнездилов – к семи годам, псаломщик Александр Вязьмин – к пяти годам заключения.

Архиепископ не роптал на несправедливый приговор. «Господь справедлив всегда!.. – писал он. – За что такая скорбь душе нашей? – За неверие, богохульства и кощунства высших, за богоотступничество многих из бывших епископов и иереев – ныне обновленческих и иных раскольников, за равнодушие к святыням и маловерие многих, считающих себя православными!..»

Священномученик Виктор родился 29 июля 1887 года в селе Волоконское Суджанского уезда Курской губернии в семье псаломщика Константина Никаноровича и его супруги Натальи Григорьевны Каракулиных. В 1909 году Виктор окончил Курскую Духовную семинарию и был назначен секретарем редакции «Курских епархиальных ведомостей». В 1910-1911 годах он был законоучителем Курской Стрелецкой второй женской школы. В 1910 году Виктор Константинович был рукоположен во диакона к Смоленской церкви в городе Курске и впоследствии во священника и служил в Троицкой церкви в городе.

23 июля 1935 года власти арестовали его вместе с архиепископом Курским Онуфрием и другими священниками. На следствии отец Виктор не признал себя виновным и отказался подписывать лжесвидетельства против себя и других. Следователи устроили очные ставки со лжесвидетелями, но священник отказался подтвердить их оговоры. 8 декабря 1935 года состоялось закрытое заседание Специальной Коллегии Курского областного суда, выступив на котором, отец Виктор категорично заявил, что не признает себя виновным: отношения с архиепископом Онуфрием у него были не как с главой контрреволюционной организации, а как с правящим архиереем, и все взаимоотношения имели исключительно церковный характер, и вопросы решались только церковные.

9 декабря 1935 года Специальная Коллегия Курского областного суда приговорила священника к десяти годам заключения, и он был отправлен в Дальневосточный лагерь в Хабаровский край, где оказался вместе с архиепископом Онуфрием и епископом Антонием. Отец Виктор был слабого здоровья, и тяжелая работа в лагере оказалась для него непосильной. Тяжело заболев, он скончался – 7 мая 1937 года, в пятницу Светлой седмицы.

Священномученик Ипполит родился 3 августа 1883 года в Москве в семье священника, служившего в церкви Воскресения Словущего на Таганке, Николая Аникитовича Красновского и его супруги Веры Ефимовны. В 1897 году Ипполит окончил Заиконоспасское духовное училище, в 1904-м – Московскую Духовную семинарию, в 1909-м – Московскую Духовную академию со степенью кандидата богословия.

В 1910 году Ипполит Николаевич был рукоположен во священника к Воскресенской церкви на Таганке и назначен заведующим и законоучителем Воскресенско-Таганской одноклассной и воскресной школ; в 1911 году скончался его отец и отец Ипполит был назначен настоятелем храма. В 1914 году он был определен законоучителем коммерческого училища, учрежденного Н.Ф. Горбачевым, и избран членом Благочиннического совета, в 1921 году – награжден наперсным крестом, в 1924-м – возведен в сан протоиерея и назначен временно исполняющим обязанности благочинного 2-го отделения Ивановского сорока. В 1927 году протоиерей Ипполит был награжден золотым наперсным крестом с украшениями; в 1928 году освобожден от исправления обязанностей благочинного.

19 сентября 1930 года власти арестовали его и заключили в Бутырскую тюрьму. Отца Ипполита обвиняли в том, что он поддерживал отношения с широким кругом духовенства, читал сам и хранил рукописную церковную литературу, трактующую вопросы современной церковной жизни. Тройка ОГПУ приговорила священника к десяти годам исправительно-трудовых лагерей, и отец Ипполит был отправлен на строительство Беломорско-Балтийского канала. В 1933 году заключение в лагерь заменили ссылкой с прикреплением к определенному месту жительства. Он выбрал Курск, куда приехал незадолго перед тем, как туда правящим архиереем был назначен архиепископ Онуфрий (Гагалюк), который его знал и сразу же предоставил ему место священника, и они часто потом служили вместе. Отец Ипполит заходил в дом к архиепископу, совершал по просьбе владыки молебны и окормлял духовно его мать, монахиню Наталию. Архиепископ и священник были близки по взглядам, и во время отъездов архиепископа Онуфрия в Москву на заседания Священного Синода отец Ипполит вел делопроизводство епархии и старался по мере возможности разрешать вопросы, возникавшие у духовенства. 23 июля 1935 года сотрудники НКВД

арестовали архиепископа Онуфрия и отца Ипполита, которого обвинили в том, что он произносил с амвона антисоветские проповеди.

Священник Ипполит Красновский

– Расскажите, какое содержание носили ваши проповеди, – спросил следователь священника.

– Мои проповеди сводились к объяснению сущности христианской веры, – ответил отец Ипполит.

– В своих проповедях вы призывали верующих к терпению и не терять надежды на то, что скоро настанет светлое будущее. Признаете ли вы, что в вашем призыве есть контрреволюционный смысл?

– Да, я действительно в своих проповедях говорил о терпении, но это относилось только к личным скорбям верующих, к их личным потерям, борьбе с внутренним грехом... контрреволюционного смысла в моих проповедях не было.

– По своей собственной инициативе вы говорили проповеди или по указанию архиепископа Онуфрия?

– Да, по своей собственной инициативе, так как право произносить проповеди на религиозную тему предоставлено по законам церковным каждому священнику.

– Скажите, гражданин Красновский, какое толкование вами давалось духовенству в связи с опубликованием в печати сообщений о выселении контрреволюционного элемента из Ленинграда, Москвы и других городов СССР после убийства товарища Кирова?

– Узнав о выселении людей из Ленинграда и других городов после убийства Кирова, я действительно говорил духовенству, что настало время, когда и нам нужно подготовиться к ссылке, так как такое мероприятие советской власти коснется и нас, духовенства, причем о себе я лично сказал, что я даже рад буду этому, так как это отвечает моему желанию.

– Следствию известно, что вы с прибытием Онуфрия Гагалюка в город Курск установили с ним в целях развития контрреволюционной деятельности связь,

каковую поддерживали до момента ареста. Признаете ли вы себя в этом виновным?

– В своем общении с Гагалюком я развития контрреволюционной деятельности не преследовал и виновным себя в этом не признаю.

– Что вы еще можете показать по вопросу проповеди, произнесенной вами 27 сентября 1934 года, то есть, в частности, говорили ли вы в этой проповеди следующее: «Какие бы ни встречали вас скорби, напасти, а их в жизни очень много, – терпите и терпите: все это нам дается за грехи наши»?

– Да, я это говорил и разумел под этими словами личные скорби людей в их жизни.

– Что вы имели в виду, говоря в некоторых случаях, в частности весной 1935 года, следующие слова: «Где же наши верующие? При таком отношении, совершенно безучастном, безразличном, вполне можно ожидать закрытия всех церквей»?

– Говоря эти слова, я имел в виду слабое посещение церквей со стороны верующих.

Были проведены очные ставки священника с некоторыми лжесвидетелями, но отец Ипполит отверг все их показания.

После окончания допросов священник подал заявление следователю. «Во всех проповедях, – писал он, – я излагал, как показывал, только внутреннюю сторону христианской религии и ни власти, ни строя, ни вообще внешней жизни не касался. К власти советской относился всегда лояльно. Поэтому решительно заявляю: ни к чему антисоветскому... не призывал и не признаю себя виновным».

8-9 декабря 1935 года в Курске состоялись заседания Специальной Коллегии Курского областного суда. Они были закрытыми для публики, в зале суда присутствовали лишь обвиняемые и свидетели. Выступая на суде, отец Ипполит сказал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. Никакой группы я не знал, Гагалюка я знаю как приехавшего к нам архиепископа... прием просителей происходил на квартире у Гагалюка, как обыкновенно у всех архиереев. По вопросу моих проповедей мне говорили, чтоб я не задерживал народ, диакон говорил мне: “теперь говорить опасно”; я в своих проповедях не касался внешней жизни, я говорил о христианской любви, о страданиях... 27 сентября у нас был праздник Воздвижения, и я говорил проповедь... о страданиях Христа, о том, что страдания не озлобляют, а облагораживают душу.

В проповеди о любви я говорил, что любовь – это дар за нашу твердую решимость не потерять веру».

9 декабря 1935 года Специальная Коллегия Курского областного суда приговорила отца Ипполита к десяти годам заключения, и он был отправлен в исправительно-трудовые лагеря в Хабаровский край.

В марте 1936 года архиепископ Онуфрий был отправлен этапом на Дальний Восток. Первое время он находился в совхозе НКВД на станции Средне-Белая Амурской области.

4 декабря 1936 года он писал матери в Курск: «Дорогая мамаша! Получил на днях два письма от Вас. Вы пишете, что пришлете мне теплую одежду, вроде свитки, – не нужно ее присылать мне. Я, слава Богу, в одежде не нуждаюсь. Пока я отдыхаю, не работаю, как и другие старички-инвалиды. Вареники и маслины я в свое время получил. Получил и все книжки, очень жаль, что нет словаря... По милости Божией я здоров, хотя сердце немного болит...

Я недавно послал Вам открытку, где сообщал, что получил от Вас три посылки... и письма... Всех благодарю и помню обо всех... Только я совсем изменился во внешности: настоящий дед, седой и безволосый, с маленькой косичкой. Отец Ипполит* беспокоится и скорбит, что никто из родных и знакомых ему не пишет. Передайте Андрюше** от меня привет, а через него – Дедушке*** ...»

Через некоторое время владыка писал: «Дорогая мамаша! На днях я получил письмо Ваше от 2 ноября, а также письма... приношу глубокую благодарность всем добрым моим благодетелям... Я писал Вам, что теперь я на новом месте, в том же совхозе. Здесь мне труднее, работаем на открытом поле – молотим хлеб весь день, там же и обедаем. Но Господь дает силы и терпение. Уже восемь месяцев, как я работаю на открытом поле непрерывно, кроме дней десяти, когда хворал или была ненастная погода. Но здоровье мое не ослабело, я даже перестал кашлять, лишь по утрам кашляю. Отец Ипполит, отец Виктор**** и еще двое священников работают со мною вместе. Валенки я получил, ношу их, очень они кстати, хотя здесь дают валенки. Чувствую себя благодушно. За все благодарю Господа. Молюсь, грешник, чтобы скорее с вами повидаться и с вами помолиться. Но это зависит больше от вас – ваших молитв ко Господу, Которому все возможно...»

20 мая 1937 года владыка писал: «Дорогая мамаша! Христос воскрес! Получил вчера Ваше письмо. Сегодня открыл Ваши две посылки: от 1 февраля и от 12 апреля... Спаси, Господи, всех моих благодетелей... Я, слава Богу, здоров и благодушен, работа у меня теперь гораздо легче. Отец Ипполит тоже здоров, работает он немного как инвалид. А об отце Викторе сообщаю Вам печальную весть: он умер 7 мая, то есть в пасхальную пятницу, от туберкулеза и болезни желудка – в больнице, его уже похоронили. Передали, что родственники могут взять его вещи... Мы не думали, что он так скоро уйдет от нас, дорогой брат наш. Но да будет воля Божия. Отец Виктор еще в феврале был довольно бодрым, мечтал скоро побывать в своих краях. Помолитесь о нем усердно!.. Владыка Антоний***** живет теперь недалеко от нас – в Средне-Бельском совхозе, на 2-м участке, а мой – 5-й. Он устроился прилично, хотя здоровьем немного ослабел...»

24 августа 1937 года архиепископ писал: «...Работаем на общих полях, вместе с владыкой Антонием. Недавно был у доктора на осмотре; признал, что сердце у меня слабое, работать долго нельзя. В сырую погоду покашливаю, хотя меньше, чем у Вас. Уже третий год не вижу Вас. Когда же Господь даст мне утешение видеть Вас и молиться с Вами? Прошу у всех святых молитв обо мне, грешном...»

9 декабря 1937 года владыка писал: «...Я очень благодарен всем за память и заботы обо мне, грешном. Здоровье мое, по милости Божией, сносное... Но в общем приходится нести лишений немало. Душою я спокоен, за все благодарю Создателя, Который всегда заботится о нас. Пишу Вам накануне празднования иконы Божией Матери “Знамение”, великого праздника. Как-то у Вас пройдет этот праздник?.. Приветствую всех моих друзей и знакомых, которых я, грешный,

* Красновский.

** Брату.

*** Митрополиту Сергию (Страгородскому).

**** Каракулин.

***** Панкеев.

вспоминаю всегда в моих молитвах, и прошу их молитв обо мне, грешном. Владыка Антоний в другом месте. Отец Ипполит со мною, хотя он инвалид...»

30 июля 1937 года НКВД был отдан оперативный приказ № 00447 о расстреле находившихся в тюрьмах и лагерях заключенных, и в феврале 1938 года против архиепископа Онуфрия, епископа Антония, священников Ипполита Красновского, Николая Садовского, Митрофана Вильгельмского, Василия Иванова, Николая Кулакова, Максима Богданова, Михаила Дейнеки, Александра Ерошова, Александра Саульского, Павла Попова, Павла Брянцева, Георгия Богоявленского и псаломщика Михаила Вознесенского и других, находящихся в лагере священно- и церковнослужителей, было начато новое «дело».

Оперуполномоченный 3-го отдела Дальневосточных лагерей допросил некоторых заключенных, готовых подписать лжесвидетельства против архиереев и духовенства. Был допрошен комендант лагерной зоны, который показал: «Отбывая меру уголовного наказания при Средне-Бельском лагпункте Дальлага НКВД и выполняя обязанность коменданта зоны осужденных по статье 58, 59 УК РСФСР с момента создания последней, то есть с июня 1937 года, мне приходится наблюдать за лагерным населением и видеть, что происходит в среде заключенных. Исходя из этого, я пришел к такому выводу, что все заключенные указанной выше зоны, смыкаясь между собой на почве единства воззрений, сплотились в определенные контрреволюционные группировки разных направлений... персонально в контрреволюционную группу входят следующие лица: Гагалюк... Панкеев... – бывшие архиереи; Богоявленский... Вильгельмский... Красновский... и т. д. Руководящую направляющую роль в этой контрреволюционной группировке играют Гагалюк... и Панкеев... Контрреволюционная деятельность указанной группировки выражается в том, что они, будучи почти все отнесены к группе инвалидов... дезорганизуют производство. Кроме этого... открыто собираются группами в палатке и совершают религиозные обряды, поют молитвы... Такие заключенные из бывших представителей Православной Церкви, как Гагалюк... и Панкеев... имеют большую переписку с внешним миром и очень часто получают из разных городов Советского Союза крупные посылки, которыми делятся с остальными священнослужителями...»

Другой заключенный-свидетель показал в подтверждение преступной деятельности священников: «Попы по воскресеньям надевают подрясники и производят чтение молитв...»

27 февраля 1938 года архиепископ Онуфрий был вызван на допрос и следователь потребовал от него:

– Расскажите о контрреволюционной группировке, возглавляемой вами и вашим коллегой Панкеевым, и об антисоветской агитации, которую проводят бывшие служители религиозного культа.

Архиепископ ответил:

– О существовании контрреволюционной группировки я ничего не знаю и поэтому показать ничего не могу, тем более что некоторых лиц... я совершенно не знаю. Остальных я знаю по лагерю и имею с ними общение как лагерник.

За десять лет до принятия мученической кончины, находясь в ссылке, владыка Онуфрий писал: «“Не бойся ничего, что тебе надобно будет претерпеть. Вот, диавол будет ввергать из среды вас в темницу, чтобы искусить вас, и будете иметь скорбь дней десять. Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни” (Откр. 2, 10). Какой смысл гонений на служителей Христовых – ссылок, тюрем? Все это

совершается не без воли Божией. Значит, в любое время они могут и окончиться, если сие будет угодно Богу. Посылаются эти гонения для испытания нашей верности Богу. И за твердость ожидает нас венец жизни... Это слова Божии. Следовательно, они непреложны. Таким образом, гонения за верность Богу имеют для исповедников свои результаты: вечную радость, небесное блаженство... Отчего же скорбеть нам, служителям Христовым, рассеянным по тюрьмам и глухим безлюдным селениям?.. Не нужно и думать о каком-либо самовольном изменении нашей участи в гонениях путем каких-либо компромиссов, сделок со своей совестью. Гонения – крест, возложенный на нас Самим Богом. И нужно нести его, быть верным долгу своему даже до смерти. Не оглядываться назад или по сторонам с унылым видом, а смело вперед идти, отдавшись на милость Божию, как говорит Спаситель: “Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия” (Лк. 9, 62)»

Священномученик Антоний родился 1 января 1892 года в селе Садовом Херсонского уезда Херсонской губернии в семье священника Александра Панкеева и в крещении наречен был Василием. В 1912 году Василий окончил по первому разряду Одесскую Духовную семинарию и поступил в Киевскую Духовную академию.

В 1915 году между Киевской и Петроградской академиями состоялся обмен студентами, и Василий Панкеев был определен на III курс Петроградской Духовной академии.

10 января 1915 года студенты III курса академии Василий Панкеев и Владимир Белобабченко были пострижены в иночество с наречением им имен Антония и Феодосия. После пострига ректор академии епископ Анастасий (Александров) обратился к ним с таким словом: «Узкий и скорбный путь предстоит для новой жизни. Жизнь инока есть непрестанный подвиг, постоянная борьба, крест и самопожертвование, старание победить всякие искушения, яже от плоти и от мира во умерщвление тела и обновление духа... Сами родом южане, взирая на житие и подвиги южнорусских подвижников, новых ваших заступников пред престолом Господним, святых Антония и Феодосия, угодников Печерских, следуйте им: они служили Церкви Божией; создатели русского иночества, они воспитали у нас ту крепость христианского духа, без которой наружное иночество легко является и легко исчезает... Вы, пройдя высшую школу богословской науки, с верою и упованием взирая на грядущее, идите всюду и служите людям, уча и просвещая их и ведя ко спасению, – всех обнимая своей христианской любовью, старайтесь быть всем вся, чтобы спасти хотя бы некоторых, жаждущих милости Божией...»

Через неделю инок Антоний был рукоположен во иеродиакона. В феврале того же года по ходатайству члена Государственной Думы священника Александра Альбицкого, с благословения митрополита Петроградского и Ладожского Владимира (Богоявленского), иеродиакон Антоний отправился на фронт для совершения богослужений и удовлетворения духовных нужд раненых и больных воинов. Он служил вместе со священником Александром Альбицким в походной церкви при одном из четырех оборудованных Всероссийским национальным союзом передовых санитарно-питательных отрядов, находившихся под покровительством Государя.

В мае 1915 года иеродиакон Антоний приехал в Петроград. 24 мая в храме Рождества Пресвятой Богородицы при Василеостровском городском начальном

училище епископ Анастасий рукоположил его во иеромонаха. После рукоположения иеромонах Антоний уехал на фронт в качестве настоятеля одной из походных церквей Всероссийского национального союза.

Из-за службы в действующей армии учебные занятия пришлось отложить, и учебный год оказался пропущенным. В 1917 году иеромонах Антоний все же окончил Петроградскую Духовную академию. 26 января 1917 года за безупречное исполнение пастырских обязанностей на фронте он был удостоен ордена святой Анны 3-й степени. По окончании академии иеромонах Антоний был направлен служить в город Одессу и здесь вскоре был возведен в сан игумена. В Одессе он стал преподавать в Духовной семинарии до ее закрытия безбожными властями в 1920 году.

В 1922 году возник обновленческий раскол, и в июне 1923 года обновленческий митрополит Евдоким (Мещерский) вызвал игумена Антония к себе и сказал: «На следующий день будет твоя хиротония». Игумен Антоний растерялся, уступил натиску Евдокима и был хиротонисан обновленческими архиереями во епископа Херсонского, викария Одесской епархии, где другим викарием православной епархии в это время был один из его ближайших друзей, епископ Онуфрий (Гагалюк).

Архиереи Русской Православной Церкви (слева направо): епископы Стефан (Андриашенко), Константин (Дьяков), Павел (Кратиров), Борис (Шипулин), Онуфрий (Гагалюк), Дамаскин (Цедрик) и Антоний (Панкеев). Харьков. 1924 год

В 1924 году игумен Антоний принес покаяние, и 27 августа 1924 года Патриарх Тихон с сонмом православных святителей хиротонисали его во епископа Мариупольского, викария Екатеринославской епархии. Викариатством он управлял всего несколько месяцев, а затем был арестован и сослан властями в город Харьков, откуда продолжал управлять Мариупольским викариатством.

В 1926 году епископ Антоний вновь был арестован и приговорен к трем годам заключения в Соловецкий концлагерь, а в 1929 году – к трем годам ссылки в Енисейск.

Вернувшись из ссылки в 1933 году, епископ Антоний обратился с просьбой о получении кафедры к экзарху Украины митрополиту Константину (Дьякову),

который благословил его обратиться относительно места служения к заместителю патриаршего Местоблюстителя митрополиту Сергию (Страгородскому). После встречи с митрополитом Сергием в Москве епископ Антоний был назначен им на Белгородскую кафедру.

Это было время, когда безбожные власти закрывали один за другим православные храмы, при этом святыни подвергались кощунствам, а храмы разграблялись. Почувствовав высокий христианский настрой нового епископа, верующие Белгорода стали оспаривать перед властями законность их действий и требовать возвращения храмов.

Церковный совет Трехсвятительского храма писал во ВЦИК 25 ноября 1934 года: «Церковный совет Трехсвятительской общины города Белгорода 30 сентября 1933 года по предложению Белгородского РИКа, идя навстречу государственной необходимости, сдал свой храм Заготзерну условно на два месяца. Храм обратно до сих пор не возвращен, здание разрушается, а имущество расхищается. Было время, он был совершенно свободен, да и теперь не занят хлебом. Церковный совет неоднократно обращался в РИК, в Облисполком, к прокурору республики и культовую комиссию ВЦИКа и... просит культовую комиссию положить конец волоките, побудить Белгородский РИК и Заготзерну уважать свои обязательства и выполнять законы советской власти о свободе совести».

Отстаивали свои законные права и общины других храмов Белгорода и Белгородского района. 16 октября 1934 года секретарь комиссии по культам, куда жаловались верующие, отписал прихожанам Успенского храма в Белгороде: «Секретариат областной комиссии по вопросам культов сообщает, что дело Успенской церкви города Белгорода поручено НКВД (бывшее ОГПУ)... для расследования и принятия соответствующих мер».

25 февраля 1935 года епископ Антоний был арестован. Лжесвидетелями против него выступили обновленцы и григорианцы. На допросах, начавшихся сразу же после ареста, владыка держался мужественно и на вопросы следователя о своей церковной позиции отвечал ясно и недвусмысленно.

Следователь поинтересовался, с кем из православных епископов владыка встречался, когда жил в Харькове. Преосвященный Антоний ответил, что встречался с епископами Константином (Дьяковым), Борисом (Шипулиным), Онуфрием (Гагалюком), Стефаном (Андрияшенко), Макарием (Кармазиным), Павлом (Кратировым) и Дамаскиным (Цедриком). Все они служили в одной церкви и часто в дни церковных праздников собирались вместе у кого-нибудь в доме. Вопросы, ими обсуждавшиеся, были вопросами церковными, и в частности о расколах – григорианском и лубенском. Ко всем этим явлениям церковной жизни у них было единодушно отрицательное отношение, как к направленным во вред церковному единству.

На допросах владыка отказался признать себя виновным и подписать лжесвидетельства. Один из лжесвидетелей, некий Смирнов, запрещенный когда-то епископом Антонием в священнослужении, пытался оговорить архиерея: «Установки мне... со стороны Панкеева, как правящего епископа, были даны следующие: вести агитацию среди населения, прихожан за отторжение Украины от СССР к Германии, вести антиколхозную агитацию и организовать кассу взаимопомощи и сбор средств для ссыльного духовенства».

– Что вы можете показать по существу показаний Смирнова? – спросил епископа следователь.

– Показания Смирнова отрицаю. Никаких указаний и установок вести контрреволюционную агитацию я не давал. Беседа моя со Смирновым носила исключительно религиозный характер.

1 августа 1935 года сотрудник НКВД объявил епископу, что следствие по его делу закончено. Владыка ответил, что показания против него ложные и он не считает себя ни в коей мере виновным.

20 августа преосвященный Антоний направил заявление прокурору, потребовав, чтобы ему предоставили возможность ознакомиться со следственным делом, так как у него есть обоснованные подозрения, что следователь вносил значительные искажения в записи протоколов допросов. В конце концов епископу удалось ознакомиться с материалами дела, и 10 сентября он направил заявление в Специальную Коллегию Курского областного суда, опровергая все выдвинутые против него обвинения и указывая на нарушения законов, допущенные следователями, и в тот же день отправил второе письмо, в котором писал: «В дополнение к моему заявлению на имя Специальной Коллегии, в коем я отметил формальные нарушения в отношении следствия... и обвинительного заключения... считаю необходимым сделать суду Специальной Коллегии, который состоится сегодня, 10 сентября, хотя краткие заявления... по существу и по содержанию обвинительного заключения...

В дальнейшем буду приводить выдержки из обвинительного заключения и делать на них свои возражения и пояснения, а также фактические поправки.

“В декабре 1933 г. в г. Белгород из ссылки возвратился Панкеев, где получил сан епископа Белгородской епархии, – цитировал владыка обвинительное заключение. – Прибывши в г. Белгород, Панкеев, будучи сам контрреволюционер, настроенный против существующего строя, как активный последователь “истинно-православной церкви”, в целях проведения контрреволюционной работы начал подбирать себе единомышленников из числа контрреволюционного духовенства с разных городов Советского Союза”.

Я получил сан епископа не в Белгороде, – писал владыка, возражая на предъявленное ему обвинение, – а в Москве (в 1924 г.). Там же получил от митрополита Сергия назначение (в 1933 г.) в г. Белгород с правами епархиального архиерея в пределах пятнадцати районов, прилегающих к г. Белгороду. В декабре 1933 г. я, по предъявлении своих церковных и гражданских документов в Воронежской областной культовой комиссии, был сею последнею зарегистрирован в законном порядке как епископ Белгородской епархии. Основанием считать меня контрреволюционно настроенным, согласно обвинительному заключению, является утверждение, что я активный последователь “истинно-православной церкви” (сторонники коей, появившись в 1927 году, не подчиняются митрополиту Сергию). Это утверждение обвинительного заключения голословно и ни на чем не основано. С 1926 г. и по 1933 г. я находился в лагере и ссылке, т. е. в изоляции, и, таким образом, лишен был возможности принимать участие в церковных делах, а тем более активное. Получив в 1933 г. полное освобождение, я сразу же обратился за назначением к митрополиту Сергию, коему я канонически подчинялся все время, начиная с 1925 г., т. е. еще до лагеря и ссылки. Никаких единомышленников из контрреволюционного духовенства я не подбирал и не приглашал. Обвинительное заключение не указывает ни одного лица и не может указать, так как никого не было из православного духовенства в Белгородской епархии, кто бы не признавал митрополита Сергия, который, как глава Православной Церкви,

легализован центральной гражданской властью. Все привлеченные к суду Специальной Коллегии священники, по словам самого обвинительного заключения, ни разу не были судимы за все время существования советской власти... Что касается меня, то я перед лагерем не был ни разу допрошен и о мотивах моей ссылки мне даже не было объявлено, почему я до сих пор не знаю законной причины заключения меня в лагерь (Соловки) и последовавшей за ним непосредственно ссылки в Сибирь, по окончании коей в 1933 г. я получил полное освобождение с правом жительства по всему СССР.

“В результате в короткий период по приглашению Панкеева в Белгородскую епархию прибыло 15 человек священников”, – писалось в обвинительном заключении.

15 священников было принято мною не в “короткий период”, а за все время моего пребывания в г. Белгороде, начиная с декабря 1933 г. – возражал владыка. – Текучесть кадров духовенства была обычным явлением в церковной жизни, так как приход не является собственностью священника, к которой он был бы прикреплен навсегда. 15 священников за время с 1933-го по 1935 г., и притом для 15 районов, из коих состоит Белгородская епархия, – это ничтожное количество. Я не пригласил ни одного священника (а также никого из них не знал раньше, кроме одного). Все они приезжали сами ко мне, что видно из следственного дела. Остается удивляться заведомо ложному утверждению обвинительного заключения. Если эти 15 священников приняты мною как мои, по выражению обвинительного заключения, “единомышленники”, то почему тогда из них привлечено к суду только четверо?!

“Создав таким образом сплоченную группу духовенства, Панкеев повел среди них работу, направленную к проведению сборов денежных средств для оказания помощи репрессированному духовенству... и их семьям”, – писалось в обвинительном заключении, на что владыка возразил: “Я не создавал никакой группы из духовенства. На протяжении всего времени (с 1933-го по 1935 г.) одни из духовенства прибывали в епархию, а другие выбывали, что является обычным в условиях церковно-епархиальной жизни. Так за означенное время (с 1933-го по 1935 г.) выбыло из Белгородской епархии более 20 священников, а прибыло только 15. Но обвинительное заключение почему-то закрывает глаза на это обстоятельство, чем доказывается не только полная несостоятельность утверждения, но односторонность и крайняя предвзятость. Обычным также является поступление от прихожан и духовенства добровольных пожертвований на нужды епархиального епископа и Патриархии, ибо деньги необходимы и для существования церковного начальства, и для уплаты ими... налогов. Поэтому гражданским законом и разрешается служителям культа получение от верующих пожертвований на свои нужды. Сборов же на ссыльное духовенство и их семьи не было, и распоряжений по этому поводу я никаких никому и никогда не давал. В следственном материале нет никаких данных, кроме ложных показаний, подписанных под давлением и угрозами, что установлено переследствием”.

“В целях подрыва экономического роста колхозов Панкеев давал указания священникам своей епархии под видом усиления пастырской деятельности среди верующих колхозников проводить контрреволюционную работу, направленную на отрыв колхозников от колхозных работ”, – гласило объявление.

Если я давал, как говорится в обвинительном заключении, – возражал на это владыка, – указания проводить контрреволюционную работу священникам своей епархии (состоящей из 15 районов), то почему привлечено (и то частично, а не

всё) духовенство только Корочанского района (Вильгельмский, Ерошов и Дейнека) и Белгородского района?.. Обвинительное заключение... опирается лишь на лжепоказания благочинного Корочанского района Вильгельмского, как и видно из единственной выдержки: “Обвиняемый Вильгельмский по этому вопросу показывает: “Епископ Антоний Панкеев предлагал усилить для этой цели проповеди путем служения молебнов и акафистов по воскресным и праздничным дням, вести проповеди о святости и значении праздничных дней, при этом имелись в виду главным образом колхозники, которые из-за своих работ плохо посещают церковь”. Уже одно бессмысленное и неграмотное выражение – “усилить... проповеди путем служения молебнов и акафистов...” само за себя говорит, т. е. что оно не принадлежит священнику. И действительно, обвиняемый Вильгельмский такого показания не делал и не мог делать, так как никаких предложений об усилении проповеди я никому не давал. В своем заявлении на имя Специальной Коллегии от 10 сентября я уже пояснил, что обвиняемый Вильгельмский подавал прокурору жалобы с просьбой аннулировать его подпись под протоколами персонального следствия, как данную ввиду обмана и насилия, а также с разъяснением, что показания его в первоначальных протоколах искажены следователем до неузнаваемости и, по существу, являются не его, Вильгельмского, показаниями, а показаниями самого следователя. Вот почему по распоряжению прокурора был пересмотр дела в июне, причем Вильгельмский давал показания в том смысле, что я не делал ему никаких предложений об усилении по благочинию пастырской деятельности вообще, и тем более с целью отвлечения колхозников от работ...

“Задания указанного характера Панкеевым давались Смирнову, Ерошову, Вильгельмскому и другим”.

Кому это другим – в следственном деле и обвинительном заключении не сказано, – писал владыка. – Ерошов, первоначальный протокол коего, написанный его рукой, уничтожен следователем и заменен протоколом с ложными показаниями, написанными рукою следователя, также сделал... в порядке пересмотра, показания, в коих заявил, что никаких распоряжений об усилении пастырской деятельности от меня, как епископа, он не получал. Даже Смирнов, показавший по злобе на меня (за лишение его сана священника) и как раскольник, враждебно настроенный против меня как православного епископа, – даже Смирнов в своих путаных, противоречивых и заведомо ложных показаниях заявил, что он отказался принять якобы мое предложение насчет колхозов, так как он боялся ответственности за это перед властью. Даже это половинчатое показание Смирнов ничем доказать не может. В делах Белгородской епархии, кои изъяты у меня при обыске, имеются документы, писанные рукою Смирнова, из коих видно, что он был у меня один раз (еще в начале 1934 г.) и что моя беседа с ним носила исключительно религиозно-церковный характер. Показаний на этот счет других обвиняемых в следственном деле нет. Нет также ни одного свидетельского показания против меня. Нет ни одного факта, а лишь голословные утверждения... Что касается моей работы “против мероприятий, проводимых партией и правительством”, то ни в обвинительном заключении, ни в следственном деле нет никаких указаний, о каких мероприятиях идет речь. По этому поводу я не был допрошен во время следствия. Голословным и ничем не обоснованным является и утверждение обвинительного заключения, что я “частично признал себя виновным”. Напротив, в следственном деле имеются мои

письменные неоднократные и настойчивые заявления, что я себя не признаю виновным ни в какой мере.

Если в обвинительном заключении под выражением “Панкеев обвиняется в том, что совместно со священниками своего благочиния проводил среди населения организованную контрреволюционную работу, направленную на развал колхозов, против мероприятий, проводимых партией и правительством”, – если здесь разумеется, что я проводил контрреволюционную работу во всей Белгородской епархии, то почему в таком случае не привлечены в качестве обвиняемых (или хотя бы в качестве свидетелей) все благочинные Белгородской епархии?! Если же разумеется то, как и напечатано в обвинительном заключении, т.е. одно только благочиние из всей епархии (т.е. Корочанское благочиние), – то неестественным... было бы проведение мною контрреволюционной работы в одном только Корочанском благочинии, в то время как я являлся епископом над всеми благочиниями Белгородской епархии. Явная неувязка, путаница и бессмыслица! Все это лишь говорит о моей невиновности и неосновательной попытке обвинения доказать обратное.

В заключение еще раз заявляю, что предъявленное мне обвинение отрицаю полностью.

Оставляя за собою право делать на суде более подробные словесные пояснения, прошу Специальную Коллегию это мое заявление с краткими письменными пояснениями приобщить к моему делу и протоколу судебного разбирательства».

10 сентября 1935 года в половине двенадцатого утра открылось заседание Специальной Коллегии Курского областного суда. Суд не дал возможности обвиняемым говорить пространно, и подробно написанные объяснения владыки до некоторой степени заменили объяснения в суде. Во время судебного заседания преосвященный Антоний сказал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю... Я принадлежу к церковному течению, возглавляемому митрополитом Сергием... В Белгородской епархии нет ни одного священника, принадлежащего к группе иосифовцев...»

Вместе с епископом Антонием были арестованы священники Митрофан Вильгельмский, Александр Ерошов, Михаил Дейнека и псаломщик Михаил Вознесенский.

Священномученик Митрофан родился 4 июня 1883 года в городе Новомиргороде Херсонской губернии. Отец его, Григорий Вильгельмский, занимался ремесленным промыслом. Митрофан окончил церковноприходскую школу и с 1911 года служил в храме псаломщиком. В 1922 году он был рукоположен во диакона, а через год – во священника и служил в храмах Одесской епархии. В 1924 году отец Митрофан был арестован и приговорен к трем месяцам заключения по обвинению в крещении ребенка без справки из ЗАГСа. С 1928 года он стал служить в Полтавской епархии. В феврале 1934 года власти закрыли храм, в котором служил священник, и отец Митрофан написал архиепископу Онуфрию (Гагалюку), которого хорошо знал как ранее управлявшего Одесским викариатством, и получил от него благословение ехать к епископу Антонию в Белгородскую епархию. Приехав к владыке, отец Митрофан получил место и вскоре был назначен благочинным.

22 февраля 1935 года сотрудники НКВД арестовали его. На допросе священник сначала было подписал показания, написанные следователем, но 22 июня дал иные показания, которые следователь вынужден был записать:

«Относительно моих показаний, данных мной ранее, имею внести следующие поправки, которые мной обнаружены в результате ознакомления с материалом следствия при окончании следствия, а именно:

В ранее данных мной показаниях при записях неверно сформулировано, что якобы я получал от епископа Панкеева задание производить сбор денег под видом пожертвований на епархию и Патриархию для оказания помощи ссыльному духовенству. Поясняю, что этот вопрос при записи моего показания сформулирован немного не так. Я показывал, что я действительно получал распоряжения от епископа Панкеева производить сборы на Патриархию и епархию, но о том, что указанные деньги посылаются на оказание помощи ссыльному духовенству, Панкеев мне об этом не говорил и я этого не знал. О том, что эти деньги идут на оказание помощи ссыльному духовенству, это было мое личное предположение. Об этом я иногда верующим, то есть свое предположение, высказывал, но точно я не знал. Неправильно также сформулировано при записи, что якобы я получал от епископа Панкеева задание об усилении пастырской деятельности среди верующих в праздничные и воскресные дни с целью отрыва колхозников от работ и что я такие распоряжения давал священникам своего благочиния. Я действительно от Панкеева получал распоряжения, чтобы усилить пастырскую деятельность, но только в своем приходе, который я лично обслуживал, в городе Короче. В этом распоряжении ничего не говорилось о том, чтобы отрывать колхозников от колхозных работ. Такое распоряжение вызвано было тем, что на меня имелась жалоба от прихожан, что я плохо провожу религиозную деятельность и что я плохой проповедник. Насчет этого Панкеев действительно мне писал о желательности того, чтобы я читал акафисты святителю Иоасафу...»

Но и этими ответами отец Митрофан остался недоволен и 7 августа направил прокурору новое заявление, в котором, в частности, писал: «При допросе следователя... мне был задан вопрос, признаю ли я свои показания, данные мною в марте месяце сего года? Я заявил, что не признаю, так как таковые были неправильны и извращены следователем и записаны неправильно, а была лишь моя подпись, которая была подписана мной под нажимом и угрозой следователя. Но следователь в протокол от 25 июня почему-то этого не записал. Второй вопрос мне был задан тем же следователем: почему я не признаю свое показание, записанное следователем 9 мая сего года? Я ему ответил, что я их также не признаю, так как эти показания также являются неправильными, о чем я заявлял следователю в момент записывания этих показаний следователем в протокол. Я говорил следователю, не пишите, потому что это неправильно. Следователь мне ответил, что здесь ничего преступного для вас нет и вы можете на суде отвергнуть это. Подписал я, потому что не желал раздражать следователя, дабы не возник такой же конфликт, как был со следователем, который нанес мне ряд угроз и оскорблений в городе Белгороде, когда я ему заявлял, что мое следствие ведется неправильно и мои показания записываются в искаженном виде... Следователь в протоколе от 25 июня сего года записал, что якобы я желал исправить свои ошибки. Это также неверно – не свои ошибки, а ошибки следователя. И так как все дело поступило в Ваше распоряжение, то я поясняю, что свои показания, данные мною в марте месяце, я считаю неправильными, так как все показания были извращены следователем... В акте об окончании следствия и ознакомлении со следственным материалом я не записал своих

возражений, потому что следователь мне сказал, что будет суд, где вы будете опровергать все неправильности...

Еще раз заявляю, что я не показывал при допросе о том, что Панкеев делал мне распоряжения о сборе пожертвований на ссыльных и заключенных и об усилении проповедей с целью отвлечения колхозников от работы, а также не показывал, что я проводил контрреволюционную агитацию или вел какие бы то ни было контрреволюционные разговоры. Ничего подобного я не показывал на допросах, а потому виновным себя не признаю ни в чем».

Во время судебного заседания отец Митрофан отверг возводимые на него обвинения и сказал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю. Показание на предварительном следствии неправильно записано. Следователь записывал с моих ответов на черновик, а потом зачитал мне; я был согласен с записанным, а подписал показание, переписанное начисто, которое не читал... Об усилении пастырской деятельности мне никто указаний не давал, и я также никому не давал таких указаний, потому что каждый священник сам знает свои обязанности...»

Священномученик Александр родился 22 ноября 1884 года в селе Чернянка Новооскольского уезда Курской губернии* в семье крестьянина Луппа Ерошова. С детства Александр мечтал стать служителем Христовой Церкви. В 1896 году он окончил сельскую школу и уехал в Киев, где долгое время пел в монастырском хоре, и здесь основательно изучил церковный устав и богослужение. В 1911 году он был рукоположен во диакона. В 1918 году диакон Александр окончил пастырские курсы в Харькове и был рукоположен во священника. Служил он в Свято-Троицком храме в селе Ольшанка Новооскольского уезда**. В 1934 году епископ Антоний перевел его в Успенский храм села Большая Халань Корочанского района Курской области***.

Власти, намереваясь закрыть этот храм, потребовали от прихода под видом уплаты налогов сдачи государству дополнительных денежных средств. Деньги были выплачены, но церковный совет Успенского храма, указав на незаконность этих действий, попросил учесть эти средства в качестве уплаты налогов за следующий год.

Но власти поступили иначе – 22 февраля 1935 года сотрудники НКВД арестовали отца Александра.

– Скажите, – спросил его следователь, – были ли вам указания от своего благочинного Вильгельмского об усилении пастырской деятельности, и в каком направлении?

– Да, были. Указания благочинного Вильгельмского заключались в том, чтобы я усилил свою пастырскую деятельность путем проповеди с амвона по привлечению верующих прихожан к посещению церкви, особенно в воскресные и праздничные дни. Например: вводить общее пение, служить великие вечерни, после которых читать акафисты, и другие меры воздействия. Речь здесь шла, разумеется, о колхозниках, которые в силу своих колхозных работ плохо посещают церковь, – записал следователь его ответ в протокол, как считал нужным.

– Выполняли ли вы эти указания и каким путем?

* Ныне поселок Чернянка Белгородской области.

** Ныне Чернянский район Белгородской области.

*** Ныне Белгородской области.

– Да, выполнял. Как пастырь, я воздействовал на верующих колхозников, для того чтобы они усердно посещали церковь, путем усиления службы и проповеди с амвона, то есть так, как мне было предложено епископом Антонием через благочинного Вильгельмского, – написал следователь.

Отец Александр подписывал протоколы допросов, не читая их, но, заподозрив неладное, потребовал от следователя, чтобы тот разрешил ему написать ответы собственноручно. Тот разрешил. Знакомясь со следственным делом, священник не обнаружил этого протокола в деле и просил следователя его показать, на что следователь ответил, что протокол им был уничтожен.

Во время судебного заседания отец Александр сказал: «В предъявленном мне обвинении виновным себя не признаю... Я свои показания на предварительном следствии подписал, но не читал... Указаний об усилении проповедей и молебнов Вильгельмский мне не давал, он только спрашивал, какая у меня идет служба в церкви, – я ему рассказал, что служу вечерни по воскресным и другим праздничным дням. Спрашивал, ведется ли у меня церковное пение, я сказал, что поют любители...»

Священномученик Михаил родился 7 ноября 1894 года в городе Борзна Черниговской губернии в семье сапожника Фомы Дейнеки. Окончив церковноприходскую школу, он поступил на курсы псаломщиков при монастыре. С 1917-го по 1921 год Михаил служил псаломщиком в храмах Харьковской губернии; в 1921 году он был рукоположен во диакона, а в 1924 году – во священника. Служил отец Михаил сначала в Харьковской епархии, а затем по рекомендации архиепископа Курского Онуфрия был принят епископом Антонием в Белгородскую епархию. 22 февраля 1935 года он был арестован.

– Скажите, вы производили сбор денег под видом пожертвований? – спросил его следователь.

– Да, производил. Сбор производился особой тарелкой во время службы, – ответил отец Михаил.

– Вы знали, для какой цели производятся эти сборы?

– Со слов епископа Антония и благочинного Вильгельмского я знал, что эти пожертвования идут на Патриархию.

После объявления об окончании следствия, в то время когда все «дело», ввиду отсутствия доказательств вины арестованных, было отправлено на следствие, следователь спросил отца Михаила:

– Скажите, подтверждаете ли вы свои ранее данные показания?

– Все свои показания, данные ранее, подтверждаю полностью. Одновременно добавляю, что показания свидетеля... о том, что якобы я в своих проповедях призывал верующих посещать храмы и не ходить на работу, считаю... измышлением. На эту тему... я никогда не говорил, и об этом могут подтвердить все верующие...

В судебном заседании отец Михаил сказал, что в предъявленном ему обвинении виновным себя не признает.

Мученик Михаил родился 14 апреля 1900 года в слободе Фоцеватая Корочанского уезда Курской губернии* в семье священника **Матфия Вознесенского**, убитого безбожниками в 1919 году. Михаил учился в Духовной семинарии в Белгороде, которую не успел окончить из-за происшедшей в 1917 году революции. Затем служил псаломщиком в храмах Белгородской епархии; он

* Ныне село Фоцеватое Корочанского района Белгородской области.

был арестован в 1935 году. Михаил Матвеевич был племянником митрополита Литовского Елевферия (Богоявленского). На допросе следователь спросил его:

– С кем вы из родственников переписывались?

– Переписку я вел с братом, с сестрой... и с дядей – митрополитом Литовским Елевферием. Последний в своих письмах выражал желание, чтобы я был с ним, но я считал, что это осуществить невозможно, поэтому не пытался ходатайствовать о выезде за границу.

– О чем вы писали митрополиту Елевферию?

– Митрополиту Елевферию я писал о своей тяжелой жизни, где и как живут родственники, о его духовных знакомых и о церковном расколе в России.

– А о чем он вам писал?

– Митрополит Елевферий интересовался, как живет духовенство, интересовался моей жизнью, спрашивал, как живут родственники и описывал, как он сам живет. На все интересующие его вопросы я ему отвечал.

2 июля 1935 года Михаил Матвеевич написал заявление прокурору Курской области по надзору за органами НКВД. «22 мая сего года, – писал он, – мне было объявлено об окончании следствия по моему делу, и я коротко и бегло был ознакомлен следователем с обвинительным против меня материалом. В то время я уже заболел тяжелой болезнью, продолжавшейся полтора месяца. Основательно же ознакомиться с этим материалом я мог только по выздоровлении и теперь делаю необходимое Вам заявление. Уже не раз было мне предъявлено обвинение. Его я не могу назвать иначе, как голословным, не основанным ни на каких фактических данных следствия. По существу вопроса я должен коснуться двух основных пунктов обвинения: 1) в агитации вообще и групповой в частности и 2) свидетельских против меня показаний. Прежде всего: где неопровержимые (фактические) данные, прямо, документально изобличающие меня в агитации? При всем своем ухищрении и трехмесячных усилиях следователь не мог найти ни одного (в действительности не существующих, а только в болезненном воображении – подозрении обвинения). Полное отсутствие свидетельских показаний в этом отношении красноречиво говорит само за себя в мою пользу. Наоборот, не хвалясь, могу уверенно сказать в свою защиту то, что следователю во время ведения следствия не раз приходилось слышать положительные и лестные обо мне отзывы людей разного рода. Конечно, не в интересах обвинения было помещать их в мое дело – во имя правды с точки зрения справедливости и добра. По ходу следствия (допросов) это было ясно. Если действительно в руках следователя нет никаких данных, уличающих меня в агитации, то за что же я нахожусь под стражей почти пять месяцев? Еще раз категорически, а в то же время искренне заявляю Вам, что совесть моя чиста в этом отношении – я ни в чем не виновен. А между тем во втором предъявленном мне обвинении, по которому я – подчеркиваю это – ни разу не был допрошен, не в первый раз было повторено, так сказать, отвлеченное, не имеющее под собою, по-видимому, никакой почвы обвинение: “Вел систематическую работу пропаганды...” Чего, где, когда, при каких обстоятельствах? – неизвестно. При чтении свидетельских против меня показаний сразу же и невольно бросается в глаза подложность принадлежности их означенным авторам... Ряд навязанных друг на друга обвинений – фраз чудовищных и нелепых по своему содержанию и сущности – обличает в авторе их невиняемого человека, находящегося своим безвольным индивидуумом в полном и безраздельном распоряжении кого-то другого. В мыслях его не видно

ни логики, ни тени какого-нибудь творчества, ни даже собственного разума, а единственно чужая воля и определенная цель лица, стоящего за спиной автора. Получается впечатление (в котором я не сомневаюсь как в действительности), что свидетель повторяет чужие слова. Принадлежностью... к церковной ориентации, к которой я не принадлежал, только и можно объяснить их наглую ложь и нелепую клевету против меня. Ввиду этого я вправе просить у Вас очную ставку с обоими свидетелями».

Вскоре после этого следователь вызвал Михаила Матвеевича на допрос, о чем он подробно затем написал в своем новом заявлении прокурору: «2 августа сего года я был вызван следователем на допрос для вторичного мне объявления об окончании следствия, а главное, для ознакомления меня с моим делом и не имею ли я желания прибавить какие-нибудь свои замечания к уже имеющимся. Заявлений, весьма для меня важных, было не одно, но следователь не только не дал возможности занести их в протокол, но с криками и нецензурною руганью постарался как можно скорее удалить меня от себя. Обращаясь к Вам, гражданин прокурор, с жалобой на такое незаконное действие следователя, должен заявить и подчеркнуть, что подобное, далеко не корректное ко мне отношение следователя было в продолжение всего следствия надо мною. Велось оно с пристрастием, а главное, под угрозой. “Паразит!” – “Отщепенец!” – “Тебя надо было давно уже расстрелять!” – вот обычные эпитеты и приемы допроса меня, сопровождавшиеся руганью, криками, топаньем ногами и т. п. Будучи первый раз в жизни на следствии, я был буквально терроризирован и, естественно, давал неверные, может быть, показания. Если раньше не жаловался на такое явное беззаконие следователя, то потому, что, не зная правил судебного следствия, считал этот способ – порядком вещей. Теперь я не могу больше молчать и заявляю свой энергичный протест против такого насилия и издевательства, прося Вас дать свое заключение и вывод из моего заявления».

Во время судебного заседания Михаил Матвеевич отверг все обвинения.

11 сентября 1935 года подсудимым был оглашен приговор: епископ Антоний и благочинный Митрофан Вильгельмский были приговорены к десяти годам лишения свободы; священник Александр Ерошов и псаломщик Михаил Вознесенский – к пяти годам; священник Михаил Дейнека – к трем годам лишения свободы. Все они были отправлены на Дальний Восток и были заключены в тот же лагерь, где находились архиепископ Курский Онуфрий (Галалюк) и осужденные вместе с ним священники Виктор Каракулин и Ипполит Красновский.

Священномученик Николай родился 30 октября 1894 года в селе Водопьяново Воронежской губернии в семье священника Александра Садовского. Окончив Воронежскую Духовную семинарию, Николай в 1917 году был рукоположен во священника и служил в храме в селе Водопьяново.

Началась эпоха гонений на Русскую Православную Церковь. Летом 1935 года председатель РИКа предложил православной общине сделать ремонт храма, и отец Николай пригласил рабочих, которые и приступили к ремонту. Через три дня после начала работ в церковь ворвался разъяренный начальник местного НКВД и прогнал рабочих. Отец Николай вынужден был идти к начальнику РИКа и просить, чтобы он послал комиссию для составления официального документа о необходимости проведения ремонтных работ и чтобы в этой комиссии был и представитель от РИКа. 16 июня в храм явились члены комиссии из трех

человек, но среди них не было представителя РИКа, и священник им заявил, что не признает этой комиссии, и в сердцах обругал председателя РИКа.

25 июля 1935 года отец Николай был арестован и заключен в липецкую тюрьму. Кроме эпизода с комиссией, ему припомнили во время следствия и то, что 8 апреля 1935 года он зашел к жителю села, у которого в это время находился командир Красной армии, спросивший священника, есть ли Бог. Отец Николай ответил, что Бог есть; тот стал спорить, и разговор перешел на современное положение Церкви, и священник стал перечислять несправедливости, чинимые советской властью, о чем командир впоследствии донес в НКВД.

Материалы дела были переданы на рассмотрение Специальной Коллегии Воронежского областного суда, и отец Николай был переведен из липецкой тюрьмы в воронежскую; 23 октября 1935 года состоялось закрытое заседание суда. Суд приговорил священника к восьми годам тюремного заключения. Первое время он содержался в воронежской тюрьме, а затем был сослан в исправительно-трудовой лагерь в Хабаровский край.

Священномученик Василий родился 25 февраля 1875 года в городе Старый Оскол Курской губернии в семье портного Андрея Иванова. Окончив городское училище и четыре курса Курской Духовной семинарии, он в 1910 году был назначен псаломщиком в церковь в селе Усть-Стужень Старооскольского уезда; 28 мая 1910 года он был рукоположен во диакона ко храму в селе Ярыгино Обоянского уезда и назначен законоучителем церковноприходской школы. В 1913 году диакон Василий был переведен в Архангельскую церковь в селе Любостань Суджанского уезда, а затем в село Наумовку Белгородского уезда. 15 февраля 1919 года на праздник Сретения Господня он был рукоположен во священника ко храму в селе Долбино Белгородского уезда, в 1922 году – переведен в храм в селе Ровеньки Острогожского уезда.

13 января 1930 года отец Василий был назначен служить в храм в селе Нижний Икорец Лискинского района. В это время духовенство Воронежской епархии, как и многих других, было охвачено смятением, вызванным опубликованием декларации митрополита Сергия. В храме до приезда туда отца Василия служил священник Сергей Бутузов, а уже вместе с отцом Василием – священник Петр Корыстин; оба они подчинялись архиепископу Гдовскому Димитрию (Любимову).

Отец Василий был человеком простым и совершенно не разбирался в тонкостях церковного разномыслия тех лет; прослужил он здесь всего две недели; в конце января 1930 года он был арестован и заключен в воронежскую тюрьму. Тогда же были арестованы многие священники этого благочиния и некоторых других, с которыми отец Василий и оказался в одной камере в воронежской тюрьме.

16 марта следователь допросил священника; отец Василий ответил, с кем и когда служил и что действительно слышал об отце Сергии Бутузове как о выдающемся проповеднике, а «про Корыстина я ничего не знаю и не слышал, а только одно, что он меня обманным образом оставил... а сам уехал, якобы полечиться на три дня в Воронеж, а потом и не приехал, а на меня бросил приход, как на нового и незнакомого человека».

Отца Василия снова вызвали на допрос, желая узнать, о чем говорили находящиеся вместе с ним в камере священники Феодор Яковлев* и Петр

* Священномученик Феодор (Яковлев); память 20 июля/2 августа.

Корыстин. Но отец Василий сказал, что они говорили так тихо, что трудно было расслышать.

В 1930 году священник Василий Иванов был приговорен к десяти годам заключения в концлагерь и отправлен в Хабаровский край.

Священномученик Николай родился в 1876 году в городе Вельске Вологодской губернии в семье крестьянина Константина Кулакова. Окончив вельское двухклассное городское училище, он до 1912 года служил помощником бухгалтера в вологодском губернском земстве, а затем писарем. Его хорошо знал викарий Вологодской епархии, епископ Вельский Антоний (Быстров) **, который в 1912 году рукоположил его во священника к одному из вологодских храмов.

В 1913 году отец Николай был назначен служить в храм Митрофаньевского подворья в Санкт-Петербурге, одновременно исполняя обязанности секретаря архиепископа Вологодского Никона (Рождественского), члена Государственного совета и Святейшего Синода, жившего постоянно в Санкт-Петербурге. На подворье отец Николай служил до его закрытия во время гонений от безбожных властей; затем перешел во Владимирский собор, а после его закрытия, с 1932 года стал служить в Покровской церкви на Боровой улице.

Во время службы на Митрофаньевском подворье, а затем во Владимирском соборе и в Покровской церкви, куда стали ходить и его духовные дети, отец Николай вел активную церковную деятельность, совершал истово богослужения и воспитывал прихожан в духе Евангелия и трудов святых отцов, которые глубоко изучал. Он усердно поучал духовных детей в проповедях, которые, прежде чем говорить, составлял в письменном виде, чтобы духовные дети в случае его ареста могли вникать в учение Господне, как понимал его их духовный отец.

Отец Николай был арестован 22 декабря 1933 года и заключен в одну из ленинградских тюрем. Тогда же в городе были арестованы многие священнослужители и миряне. В формулировке обвинительного заключения сотрудники ОГПУ написали: «В декабре 1933 года секретно-политическим отделом... ОГПУ... оперативно ликвидирована ленинградская церковно-монархическая организация... непосредственно руководимая закордонным белоэмигрантским церковно-политическим центром...

Ставя своей конечной целью активное содействие иностранной интервенции для свержения советской власти, организация вела интенсивную контрреволюционную деятельность, заключающуюся:

...В регулярной связи с белоэмигрантским церковно-политическим центром, возглавляемым митрополитом Евлогием, в получении от него общего направления, конкретных руководящих указаний, литературы и денежных субсидий...

В подготовке террористического акта против тов. Сталина...

В систематической антисоветской пропаганде и агитации, проводимой как с церковного амвона, так и путем массового распространения контрреволюционной литературы, авторами которой были отдельные руководящие члены организации...

В создании подпольных “катакомбных” церквей, являвшихся местом концентрации наиболее озлобленного антисоветского элемента и служивших своеобразной демонстрацией протеста против политики советской власти.

** Священномученик Антоний (в миру Николай Михайлович Быстров); память 3/16 июля.

В руководящий состав организации входили классово, политически и идеологически враждебные пролетарской диктатуре элементы – бывшие профессора духовных академий, служители культа, бывшие офицеры, бывшая аристократия и буржуазия.

Контрреволюционная деятельность организации шла в основном под прикрытием Церкви, используя ее легальные возможности для сплочения и объединения под видом религиозных формирований людей для контрреволюционных целей.

По делу в качестве обвиняемых привлекается сто семьдесят пять человек».

Будучи допрошен, отец Николай открыто изложил суть своих религиозных убеждений. «По своим политическим убеждениям, я считаю себя монархистом, – сказал он. – В вопросах религиозных я считаю себя идейным христианином, отдающим себя всецело делу единой Православной Церкви, вплоть до мученичества, когда это будет от меня требоваться. Мой долг – воспитать окружающих меня в вере, благочестии и нравственности в соответствии со священными канонами Российской Православной Церкви. В отношении моем к духовничеству я могу сказать, что этот момент я считаю для себя одним из серьезных...

Всякая власть является законной, поскольку на ее стороне сила; в случае прихода белых и свержения советской власти сила очутится на стороне белых, и власть их, как более сильная, будет законной».

Сначала следователь записывал довольно близко к тому, что говорил священник, но затем все дальше и дальше отходил от этого, а затем убедил и его подписать составленный им протокол, потому, мол, что это не имеет никакого значения.

25 февраля 1934 года тройка ОГПУ приговорила отца Николая к пяти годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, и он был отправлен в Севвостоклаг. Не раз, вероятно, пожалел священник, что поддался обману и оболъщению следователя, и впоследствии, когда ему вновь в лагерной тюрьме пришлось противостоять натиску следователя, настойчиво задававшего один и тот же вопрос: существует ли в лагере контрреволюционная группировка, возглавляемая архиепископом Онуфрием и епископом Антонием, в которую входит заключенное в лагере духовенство, он, наученный тяжелым опытом, категорично отказался подтвердить лжесвидетельство и заявил: «О существовании контрреволюционной группировки я не знаю. Антисоветской агитации никто не ведет. Я лично тоже антисоветской агитации не вел».

Священномученик Максим родился 13 августа 1885 года в деревне Борки Тюменского уезда Тобольской губернии в семье крестьянина Петра Богданова. Окончив три класса сельской школы, Максим работал в своем хозяйстве; в 1924 году он стал служить в храме псаломщиком; в 1928 году – был рукоположен во священника и служил в храме в селе Бугуртак Курагинского района Красноярского края.

После организации в начале 1930-х годов колхозов власти от не вошедших в колхоз единоличников стали требовать, чтобы они полностью засеивали отведенную им землю, но только рекомендованными самими же властями зерновыми культурами. Причем семена крестьяне-единоличники должны были покупать за свой счет. По опыту прошедших лет крестьяне знали, что, сколько ни сей, осенью власти заберут почти весь урожай, мало что останется для пропитания семьи и ничего не останется для посева на следующий год – и им

снова придется покупать семена за свой счет и почти всегда в долг. Из-за отсутствия семян часть крестьян в селе Бугуртак отказалась засеивать свои поля весной 1933 года, и сотрудники районного отдела ОГПУ, расценив это как антигосударственный заговор, приняли решение арестовать их и священника.

16 апреля 1933 года отец Максим и пятеро крестьян были арестованы и заключены в районную тюрьму. Крестьяне подтвердили, что они отказались от посева, назначенного единоличникам, и подписались под протоколами показаний, в которых говорилось, что их действиями руководил приходской священник и что будто бы отец Максим им говорил: «Долго будешь вспоминать старое время: хорошо жил народ, всего было в достатке, каждый порядочный мужик имел стадо скота, полные закрома хлеба. А сейчас посмотришь на жизнь – печальная картина получается: мужиков всех обобрали, накладывают непосильные налоги, все “дай” и без конца “дай”. Сейчас основательно нажимают на посевную, но ведь надо подумать, что мать-земля хлеб родит один раз в год, а хлебозаготовки требуют несколько раз».

Все арестованные крестьяне признали себя виновными, и только священник на вопрос, признает ли он себя виновным, категорично ответил, что виновным себя не признает. Была устроена очная ставка священника с одним из свидетелей, но и тогда отец Максим твердо сказал, что в предъявленном обвинении виновным себя не признает, «так как такими делами не занимался».

13 мая 1933 года особая тройка ПП ОГПУ Запсибкрая приговорила крестьян к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере, а священника – к десяти годам. Их отправили этапом в Минусинск и здесь, выстроив перед воротами лагеря, зачитали приговор.

Священномученик Александр родился 8 августа 1876 года в селе Очесо-Рудня Гомельского уезда Могилевской губернии в семье священника Иерофея Саульского. В 1899 году Александр окончил Могилевскую Духовную семинарию и в 1903-м был рукоположен во диакона и священника и служил в Троицком храме в селе Мхиничи Чериковского уезда Могилевской губернии; 11 февраля 1906 года он был назначен настоятелем этого храма. С 1912-го по 1917 год отец Александр служил полковым священником, и ему не раз приходилось исполнять священнические обязанности с риском для жизни во время боевых действий.

За беспорочную службу отец Александр был возведен в сан протоиерея и с 1926 года служил в Знаменской церкви в городе Тихвине Санкт-Петербургской епархии; он был благочинным 1-го Тихвинского благочиния, в которое входило в то время одиннадцать приходов.

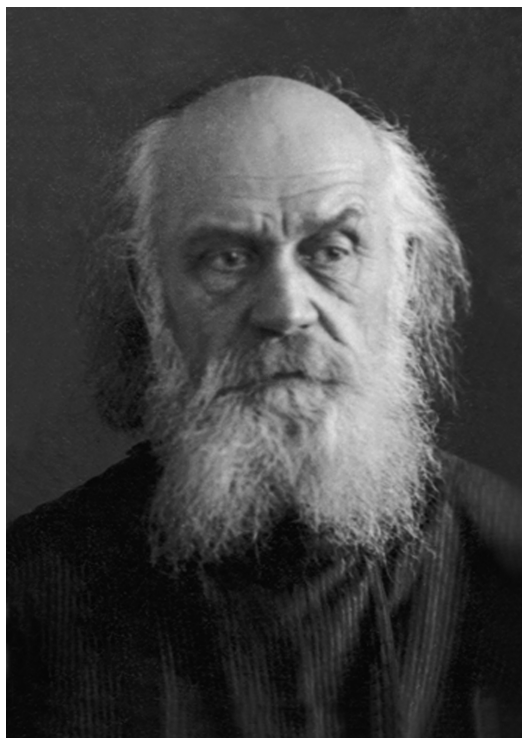
В начале 1930-х годов священника несколько раз вызывали свидетелем по делам арестованного в Тихвине духовенства. В 1932 году его вызвали по делу священника Иоанна Сарва*, обвиненного в том, что он якобы совершил отпевание сторонницы митрополита Иосифа (Петровых), которая завещала, чтобы ее отпел священник, одинаковых с ней идейных воззрений. Ее родственники обратились к отцу Александру; будучи осведомлен о воле почившей, протоиерей Александр отказал им в просьбе, и они отправились к священнику Иоанну Сарву, который также отказался совершить отпевание. Ее отпел архимандрит Тихвинского монастыря, который юридически был зарегистрирован как обновленец, но считалось, что он является единомышленником сторонников митрополита Иосифа. «Что же касается Иоанна Сарва, – свидетельствовал на

* Священномученик Иоанн (Сарв); память 20 ноября/3 декабря.

допросе отец Александр, – то могу подтвердить, что он является сергиевцем. В антисоветской агитации и контрреволюционных выступлениях Сарв мною не замечался». Отец Иоанн тогда был освобожден.

1 января 1934 года сотрудники ОГПУ арестовали отца Александра и он был заключен в одну из тюрем Ленинграда. Будучи сразу же допрошен, он отрицал какую бы то ни было вину, заявив, что его оклеветали, и назвал имена клеветников и причины, по которым он был оговорен. Следователи не удовлетворились ответами священника и продолжали допрашивать его, требуя, чтобы он высказал свое отношение к советской власти и дал показания о разговорах, которые велись среди духовенства. 5 января священник подписал показания, в которых говорилось, что среди духовенства обсуждались политические вопросы, касавшиеся взаимоотношений Советского Союза с Америкой, от которых духовенство ожидало перемены политики советской власти по отношению к религии.

После этого допроса были произведены дополнительные аресты духовенства и мирян. На допросе 12 января отец Александр еще более расширил свои показания и на вопрос, каковы его политические убеждения, ответил: «Я настроен по отношению к советской власти непримиримо враждебно и считаю, что наиболее приемлемой формой государственной власти в России была бы монархия, ограниченная парламентом. Свое убеждение я высказывал среди местных тихвинских священников, которые его разделяли. Для обсуждения политических вопросов мы собирались главным образом у меня».

*Протоиерей Александр Саульский.
Ленинград, тюрьма ОГПУ. 1934 год*

Затем он подписал протокол допроса с показаниями, что собиравшиеся вместе священники обменивались мнениями о неизбежности войны и соображениями о гибели, в связи с войной, советской власти. Подчинившись давлению следователей, священник показал:

– Эти разговоры впоследствии разносились среди верующих, создавая недоверие к советской власти и враждебное к ней отношение. В области религиозной деятельности группа по указаниям Рудича* ставила своей целью укрепление религиозных верований в народе проповедью, которая спланировала бы вокруг Церкви глубоко верующих, готовых принять во имя спасения веры и Церкви мученический венец... Я часто говорил верующим о гонениях на нашу Церковь вымышленные вещи с целью воздействия на их религиозные чувства, в частности о том, что мне запрещают ходить по приходу, хотя в действительности такого запрещения не было.

– Чего добивалась ваша группа своей контрреволюционной деятельностью? – спросил его следователь.

– Конкретно о целях мы не говорили, однако считали, что успех интервенции, на которую мы рассчитывали, зависит в значительной степени от той помощи, которая ей будет оказана внутри СССР антисоветскими элементами, которых мы считали долгом собрать и объединить вокруг Церкви, как одной из легальных возможностей в условиях диктатуры пролетариата.

26 февраля 1934 года тройка ОГПУ приговорила протоиерея Александра к пяти годам заключения в концлагерь, и 7 марта того же года он был отправлен в Севвостоклаг в город Владивосток.

Арестованный в начале 1938 года в лагере вместе с епископами и духовенством, он, учитывая опыт предыдущего ареста и вполне осознавая глубину проявленного им тогда малодушия, на этот раз на требование следователя рассказать о контрреволюционной группе и антисоветской агитации перечисленных ему следователем священников, ответил: «О существовании контрреволюционной группировки я ничего не знаю. Антисоветских высказываний среди священнослужителей я не слышал. Сам я никогда антисоветской агитации не вел».

Священномученик Павел родился 13 января 1890 года в селе Сысой Сараевского уезда Рязанской губернии в семье крестьянина Ильи Попова. Образование Павел получил в учительской семинарии, некоторое время он пел в церковном хоре и в 1918 году был рукоположен во священника.

С 1934 года отец Павел стал служить в храме в селе Панское Мичуринского района Воронежской области**. 14 сентября 1935 года отец Павел был арестован и заключен в мичуринскую тюрьму. Ему предъявили стандартное по тем временам обвинение в антисоветской агитации. Лжесвидетелями против священника выступили жители села, мало его знавшие, а также дежурные свидетели, вовсе его не знавшие. Одни обвинения отец Павел категорически отверг, а о других сказал, что с людьми, давшими эти показания, совсем незнаком. Как одно из доказательств преступлений священника сотрудники НКВД привели случай, когда он совершил в храме Таинство Соборования множества прихожан, и заявили, что, совершая соборование, священник тем самым дал понять, что все храмы вскоре закроют и негде будет собороваться, а поскольку храмы, как о том заявляли власти публично, они закрывать не собираются, то, следовательно, священник клеветал на советскую власть. Были проведены очные ставки, но отец Павел отверг показания всех лжесвидетелей.

18 декабря 1935 года в Мичуринске состоялось закрытое заседание Выездной сессии спецколлегии воронежского областного суда, куда был

* Епископа Тихвинского Валериана.

** Ныне Тамбовская область.

доставлен священник и вызваны свидетели. Они подтвердили все данные ими ранее показания, которые отец Павел еще раз категорически отверг. В тот же день суд был закончен. Священник Павел Попов был приговорен к пяти годам тюремного заключения и отправлен в Хабаровский край.

Священномученик Павел родился 23 октября 1889 года в селе Помялово Новоладожского уезда Санкт-Петербургской губернии в семье псаломщика Троицкой церкви Алексея Павловича Брянцева и его супруги Марии Николаевны. Алексей Павлович скончался в 1902 году; с этого времени Мария Николаевна стала получать пособие от епархиального попечительства, а дети были приняты обучаться на казенный счет. Павел окончил Александро-Невское духовное училище и в 1908 году поступил в Санкт-Петербургскую Духовную семинарию. Окончив в 1911 году семинарию, он стал учителем Ларионовского земского училища в Новоладожском уезде Санкт-Петербургской губернии. 18 июля 1914 года он был призван в действующую армию и 11 ноября того же года был ранен в бою под Ловичем. За мужественное поведение на фронте Павел Алексеевич был награжден серебряной медалью на Георгиевской ленте. 6 июня 1916 года он был из-за ранения признан негодным к военной службе. В госпитале он познакомился со своей будущей женой, сестрой милосердия Евдокией Алексеевной Свиридовой, которая была знакома с великой княгиней Елизаветой Федоровной* и просила ее помочь Павлу Алексеевичу.

10 ноября 1916 года великая княгиня направила ходатайство ректору Петроградского университета, прося его «оказать содействие к зачислению в число студентов Петроградского университета бывшего сельского учителя Павла Алексеевича Брянцева. Находясь в 217-м Ковровском полку рядовым, Брянцев был ранен в ногу, и у него одна нога короче другой. Вследствие этого увечья, он не может учительствовать в начальном училище, так как ему трудно много ходить, а школьному учителю приходится во время занятий быть все время в движении, чтобы следить за работой всех учеников. Для продолжения педагогической деятельности Брянцеву необходимо получить высшее образование. Это даст ему возможность быть преподавателем в среднем учебном заведении».

В 1916 году Павел Алексеевич был принят на историко-филологический факультет Петроградского университета. В 1918 году он был направлен учителем в Вындино-Островскую единую трудовую школу. 3 мая 1919 года митрополит Петроградский Вениамин (Казанский)** рукоположил его во диакона ко храму Пресвятой Троицы в селе Помялово, а в 1921 году он был рукоположен во священника и служил в селе Мемино Петроградской епархии.

9 декабря 1933 года отец Павел был арестован с группой духовенства и мирян Волховского и Киришского районов. В обвинительном заключении сотрудники ОГПУ, пытаясь оправдать репрессии, писали: «В конце декабря 1930 года Волховским оперсектором было отмечено оживление среди наиболее реакционной части духовенства.

Внешне это выражалось в организации торжественных соборных богослужений, тщательно подготавливаемых и обставляемых с максимальной помпезностью, с расчетом на привлечение внимания культурноотсталых масс крестьянства на поднятие и укрепление среди них веры и увеличения числа молящихся.

* Преподобномученица Елисавета; память 5/18 июля.

** Священномученик Вениамин (в миру Василий Павлович Казанский); память 31 июля/30 августа.

*Священник Павел Брянцев (справа)
с братом, священником Николаем, и дочерью Елизаветой. 1931 год*

Естественно, что это же влекло за собой объединение и сплочение духовенства и давало возможность использования нелегальных сборищ в контрреволюционных целях.

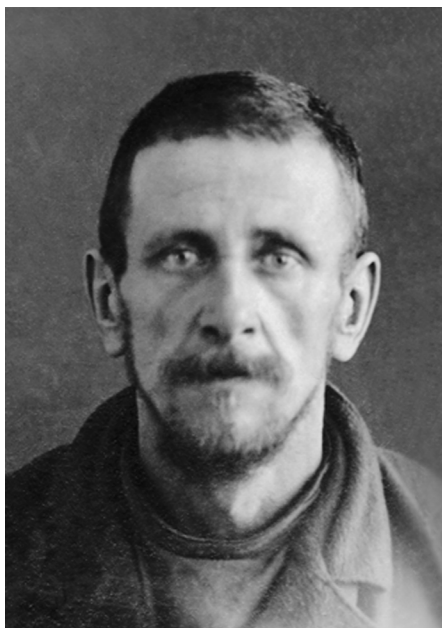
Внутренний процесс шел по линии прощупывания, выявления и консолидации активных действенных элементов для борьбы с диктатурой пролетариата как среди духовенства, так и среди активных церковников-мирян.

В этот же период было отмечено распространение среди духовенства контрреволюционной литературы, которая под флагом борьбы с безбожием призывала духовенство и верующих к сплочению для борьбы с советской властью».

Во время обысков при аресте духовенства были изъяты рукописи стихов, написанных священником Павлом Брянцевым: «На Новый Завет без изъяна евангелиста Демьяна», «Емельяну Ярославскому», «Свобода и рабство», «К свободе», «Альфа и Омега» и других. Стихи с удовольствием читались духовенством во время встреч и переписывались.

Будучи арестован и убежден следователем высказать свое отношение к советской власти, священник, зная, что рукописи написанных им стихов уже находятся в ОГПУ, заявил, что он является давним врагом большевиков и считает их врагами трудящихся. Одним из мотивов его прихода на служение в Церковь, по его словам, была ненависть к большевикам, а Церковь оставалась на тот момент единственной легальной организацией, отрицательно оценивающей большевистскую революцию. Он изложил свои взгляды в форме, предложенной следователями, и, проявив явное малодушие, признал себя виновным, а также и единомысленных с ним священников. Отец Павел заявил, что они агитировали крестьян против организации колхозов и стихотворение о Демьяне Бедном он написал по просьбе благочинного. Он признал, что его произведения являются

контрреволюционными, и рассказал, что он переписал их в шести экземплярах и распространил. Под давлением следователя он подписался под показаниями, что признает «себя виновным в том, что принял участие в контрреволюционной деятельности группы священников, имевшей своей целью путем распространения провокационных слухов о войне и гибели советской власти, а также путем использования религиозных предрассудков крестьянских масс сорвать мероприятия советской власти в области колхозного строительства... в том, что написал контрреволюционные стихотворения, призывающие к объединению духовенства и верующих для борьбы с советской властью».

*Священник Павел Брянцев.
Ленинград, тюрьма ОГПУ. 1933 год*

26 февраля 1934 года тройка ОГПУ приговорила отца Павла к пяти годам заключения в концлагерь, и он был отправлен в Севвостоклаг. Из лагеря он 15 июня 1934 года писал родным: «Шлю вам сердечный привет и желаю всего наилучшего, а наиболее – тихого и безмятежного жития в домашней обстановке, что всего дороже. Я вот не сумел удержаться и угодил за одиннадцать тысяч километров. Но это всё ничего. Угодить мне и надо было – сам избрал этот путь, а вот плохо, что полгода я не имею известий... и явился я сюда с сильно истощенным организмом, поэтому, как слабосильный, несу обязанности сторожа. Дежурю на посту двенадцать часов в сутки. Заболел цингой, а излечиться здесь нечем...»

Описывая свое положение в заключении, отец Павел писал в январе 1936 года родным: «Семнадцатый месяц живу по-дорожному, как на вокзале, и все время думаю, что скоро поеду побыстрее; тогда в три месяца доберусь до дому. В августе и сентябре... хлеба ел досыта и несколько поокреп, а сейчас пока начинаю сдавать, довольствуясь 500 граммами хлеба в сутки... Лежим... семьдесят пять человек в одном месте, думаем одно и ждем одного: отправки. И нас не огорчают – все говорят, что отправим. Было нас сто пятьдесят, но к октябрьским дням 50 % отправили, но я не попал в их число. Здоровье сносное: если бы грудь не болела, то был бы совсем здоров. По формуляру в груди

имеется: склероз, миокардит, туберкулез, эмфизема и плеврит, так что сердце и легкие не того... Хорошо бы сахарку, да уж ладно...»

1 января 1937 года отец Павел писал дочери: «Не думай, что годы детства и юности – лучшие годы жизни; нет, эти годы – лишь годы подготовки к жизни, и хорошо поживет лишь тот, кто сумеет за эти годы хорошо подготовиться. Не унывай при мимолетных неприятностях: их уже нет – они уже ушли в невозвратное прошлое, старайся создавать хорошее настоящее и верить в лучшее будущее – вот те несложные правила жизни, какие вынес из нее я... Я тебя уже года четыре не видал, и ты за эти годы, без сомнения, изменилась... Скоро тебе стукнет семнадцать, а я помню тебя тринадцатилетней. Что касается меня, то я по сравнению с прошлым значительно похудел, вешу пятьдесят шесть килограмм... теперь стригусь и бреюсь, и всем бы был молодой, да зубов на верхней челюсти нет – цинга съела – и морщиноват маленько... Выпавшие на мою долю испытания переношу довольно бодро... И хотя иногда приходится туго, но ведь я видал на веку и худшее... Уже четвертый год я в условиях заключения, но скажу, что в германскую было похуже. Если бы я не был инвалид, то жил бы хорошо, так как зарабатывал бы, а теперь невольно приходится все время отдыхать от неперенесенных трудов. Осталось мне еще двадцать три месяца, так как чувствую, что раньше не отпустят – иначе давно бы отпустили – из-за наклеенной мне статьи 58 пункт 11. Хотя она и напрасно пристала ко мне, но ведь после драки кулаками не машут. Я раньше не знал законов, а то добивался бы применения ко мне статьи 59 пункт 7*... В сущности, ведь виноват я кой в чем, – ну и посижу. Я подал в Москву во ВЦИК ходатайство, да не надеюсь на благоприятный результат, опять-таки из-за статьи. Ну, будь что будет!...»

В тот же день он написал:

«Суровый край, прекрасный, но не милый,
Где дни мои томительно текли,
Ты мне грозишь безвременной могилой
Вдали от Родины и от друзей вдали».

В феврале 1938 года против священника было начато новое «дело», которое лагерные следователи объединили с делом святителей Онуфрия и Антония и заключенного в лагерь духовенства. 27 февраля отец Павел был вызван на допрос к следователю, который заявил, что ему известно, что на их подконвойном участке существует контрреволюционная организация, в которую входит подследственный, и потребовал, чтобы он указал ее членов. Перечислив несколько имен, следователь потребовал назвать, кто возглавляет контрреволюционную организацию и через кого осуществляется связь с волей. Наученный горьким опытом первого следствия и лагерными страданиями, отец Павел заявил, что ему ничего неизвестно о существовании контрреволюционной организации, а также и о ее деятельности. Если некоторые заключенные и выражали свое недовольство советской властью, то в чем оно выражалось, он не помнит.

* «Пропаганда или агитация, направленные к возбуждению национальной или религиозной вражды или розни, а равно распространение или изготовление и хранение литературы того же характера, влекут за собою – лишение свободы на срок до двух лет» // Уголовный Кодекс РСФСР. М., 1948. С. 38.

17 марта 1938 года священник Павел Брянцев был приговорен вместе с другими к расстрелу, но умер еще до исполнения приговора – 13 мая 1938 года и был погребен в безвестной могиле.

Священномученик Георгий родился 1 января 1883 года в селе Матренка Нижняя Усманского уезда Тамбовской губернии* в семье псаломщика Александра Богоявленского. Во время Первой мировой войны он служил полковым писарем, после революции – псаломщиком в храме. В 1930 году он был рукоположен во священника к Покровскому храму в селе Верхний Телелюй Липецкой области.

Весной 1935 года власти приняли решение закрыть храм, а для этого арестовать священника. Несколько местных колхозников, председатель колхоза и секретарь сельсовета оговорили отца Георгия, заявив, что священник Георгий Богоявленский ругал советскую власть, вел антиколхозную агитацию, говорил, что колхозы распадутся, а в доме колхозника Столповского, перед совершением по приглашению хозяина всенощного бдения, агитировал против советской власти и спаивал колхозников. Вызванный в качестве свидетеля Столповский решительно опроверг лжесвидетельства.

8 мая 1935 года отец Георгий был арестован, заключен в тюрьму в городе Усмани и на следующий день допрошен.

На допросе он заявил: «По поводу колхозов разговоров никаких... не вел, а равно и не ругал советскую власть... В декабре 1934 года был я в пункте Заготзерно, помещающемся в церкви, и при входе в церковь заметил расхищение: снята церковная шелковая занавесь... и не оказалось стекол в иконах. После чего я полез на колокольню в кладовку, где хранилось двенадцать листов железа для ремонта крыши церкви, – тоже такового не оказалось. Равно сняты совсем с лицевой стороны церкви водосточные трубы». При храме был сторож, «я спросил его – куда девались эти вещи? Тот заругался неприличными словами... говоря: “здесь все народное”. В ответ я ему сказал, что здесь не народное, а государственное имущество, за него целиком отвечает церковь и группа верующих...

Что же касается показаний председателя сельсовета, будто я 6 января сего года по вызову его явился пьяный в сельсовет и по требованию с меня налога я как будто ответил, что он не имеет права с меня требовать и называл советскую власть “апрельским снегом”, – это полнейшая и лживая ложь со стороны председателя сельсовета... Председатель сельсовета никогда не вручал мне документов, по коим уплачиваются налоги, и не знает сроки их платежей... Первый срок платежа 1 марта, а не в январе, и пьяным я никогда в совете не был...»

В заключение отец Георгий потребовал от следователя вызова дополнительных свидетелей, «которые действительно покажут, что таких слов и разговоров про советскую власть не велось». Это было следователями отвергнуто потому, мол, что «обстоятельство, о котором ходатайствует обвиняемый, в достаточной степени установлено», и материалы «дела» были направлены в суд.

23 июля 1935 года в 10 часов утра началось закрытое заседание Выездной сессии Воронежского областного суда. Выступая в суде, отец Георгий сказал: «В предъявленном обвинении виновным себя не признаю и поясняю, что 15 декабря 1934 года я был в церкви, заметил, что оторвана занавесь церковная из алтаря, вынуты стекла из икон и взяты листы железа, предназначенные для

* Ныне село Нижняя Матренка Добринского района Липецкой области.

ремонта крыши. По адресу советской власти я ничего не выражал. У себя на квартире и у Столповского я по адресу порядка управления также ничего не говорил; против колхозов агитацию не вел. В сельском совете 6 января 1935 года я был, но опять-таки против советской власти не выражался, и о партии также не выражался».

Некоторые из вызванных в суд свидетелей подтвердили лжесвидетельства, хотя и в значительно меньшем числе эпизодов, нежели на предварительном следствии, а основные свидетели и вовсе не были вызваны. В последнем слове отец Георгий заявил, что «обвинение ему было предъявлено на почве личных счетов с председателем сельсовета и все это клевета». В тот же день суд зачитал приговор. Священник Георгий Богоявленский был приговорен к пяти годам заключения в исправительно-трудовом лагере и отправлен на Дальний Восток.

В марте 1938 года арестованные святители и духовенство были перевезены из лагеря в благовещенскую тюрьму. 17 марта 1938 года тройка НКВД приговорила их к расстрелу.

1 июня 1938 года архиепископ Онуфрий (Гагалюк), епископ Антоний (Панкеев), священники Ипполит Красновский, Митрофан Вильгельмский, Александр Ерошов, Михаил Дейнека, Николай Садовский, Василий Иванов, Николай Кулаков, Максим Богданов, Александр Саульский, Павел Попов, Георгий Богоявленский и псаломщик Михаил Вознесенский были расстреляны и погребены в безвестной общей могиле.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Жития новомучеников и исповедников Российских XX века. Май». Тверь. 2007. С. 137-228

Игумен Дамаскин (Орловский). Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Книга 4. Тверь, 2000. С. 154-220.